

ISSN Print 2413-5291

НАЦИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ УЧЕНЫХ (НАУ)
DOI: [10.31618/NAS.2413-5291.2023.2.96](https://doi.org/10.31618/NAS.2413-5291.2023.2.96)

Ежемесячный научный журнал Том 2 №96 / 2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Макаровский Денис Анатольевич

AuthorID: 559173

Заведующий кафедрой организационного управления Института прикладного анализа поведения и психолого-социальных технологий, практикующий психолог, специалист в сфере управления образованием.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Чукмаев Александр Иванович

<https://orcid.org/0000-0002-4271-0305>

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права. Астана, Казахстан

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Штерензон Вера Анатольевна

AuthorID: 660374

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт новых материалов и технологий (Екатеринбург), кандидат технических наук

Синьковский Антон Владимирович

AuthorID: 806157

Московский государственный технологический университет "Станкин", кафедра информационной безопасности (Москва), кандидат технических наук

Штерензон Владимир Александрович

AuthorID: 762704

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт фундаментального образования, Кафедра теоретической механики (Екатеринбург), кандидат технических наук

Зыков Сергей Арленович

AuthorID: 9574

Институт физики металлов им. М.Н. Михеева УрО РАН, Отдел теоретической и математической физики, Лаборатория теории нелинейных явлений (Екатеринбург), кандидат физ-мат. наук

Дронсейко Виталий Витальевич

AuthorID: 1051220

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Кафедра "Организация и

безопасность движения" (Москва), кандидат технических наук

Садовская Валентина Степановна

AuthorID: 427133

Доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ, академик Международной академии Высшей школы, почетный профессор Европейского Института PR (Париж), член Европейского издательского и экспертного совета IEERP.

Ремизов Вячеслав Александрович

AuthorID: 560445

Доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, академик Международной Академии информатизации, член Союза писателей РФ, лауреат государственной литературной премии им. Мамина-Сибиряка.

Измайлова Марина Алексеевна

AuthorID: 330964

Доктор экономических наук, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Гайдар Карина Марленовна

AuthorID: 293512

Доктор психологических наук, доцент. Член Российского психологического общества.

Слободчиков Илья Михайлович

AuthorID: 573434

Профессор, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук. Член-корреспондент Российской академии естественных наук.

Подольская Татьяна Афанасьевна

AuthorID: 410791

Профессор факультета психологии Гуманитарно-прогностического института. Доктор психологических наук. Профессор.

Пряжникова Елена Юрьевна

AuthorID: 416259

Преподаватель, профессор кафедры теории и практика управления факультета государственного и муниципального управления, профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения факультета дистанционного обучения ФБОУ ВО МГППУ

Набойченко Евгения Сергеевна

AuthorID: 391572

Доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, профессор. Главный внештатный специалист по медицинской психологии Министерства здравоохранения Свердловской области.

Козлова Наталья Владимировна

AuthorID: 193376

Профессор на кафедре гражданского права юридического факультета МГУ

Крушельницкая Ольга Борисовна

AuthorID: 357563

кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии. Московский государственный областной университет.

Артамонова Алла Анатольевна

AuthorID: 681244

кандидат психологических наук, Российский государственный социальный университет, филиал Российского государственного социального университета в г. Тольятти.

Таранова Ольга Владимировна

AuthorID: 1065577

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, Департамент гуманитарного образования студентов инженерно-технических направлений, Кафедра управление персоналом и психологии (Екатеринбург)

Ряшина Вера Викторовна

AuthorID: 425693

Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО, лаборатория профессионального развития педагогов (Москва)

Гусова Альбина Дударбековна

AuthorID: 596021

Заведующая кафедрой психологии. Доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, психолого-педагогический факультет (Владикавказ).

Минаев Валерий Владимирович

AuthorID: 493205

Российский государственный гуманитарный университет, кафедра мировой политики и международных отношений (общеевропейская) (Москва), доктор экономических наук

Попков Сергей Юрьевич

AuthorID: 750081

Всероссийский научно-исследовательский институт труда, Научно-исследовательский институт труда и социального страхования (Москва), доктор экономических наук

Тимофеев Станислав Владимирович

AuthorID: 450767

Российский государственный гуманитарный университет, юридический факультет, кафедра финансового права (Москва), доктор юридических наук

Васильев Кирилл Андреевич

AuthorID: 1095059

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Инженерно-строительный институт (Санкт-Петербург), кандидат экономических наук

Солянкина Любовь Николаевна

AuthorID: 652471

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), кандидат экономических наук

Карпенко Юрий Дмитриевич

AuthorID: 338912

Центр стратегического планирования и управления медико-биологическими рисками здоровью ФМБА, Лаборатория эколого-гигиенической оценки отходов (Москва), доктор биологических наук.

Малаховский Владимир Владимирович

AuthorID: 666188

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Факультеты, Факультет послевузовского профессионального образования врачей, кафедра нелекарственных методов терапии и клинической физиологии (Москва), доктор медицинских наук.

Ильясов Олег Рашитович

AuthorID: 331592

Уральский государственный университет путей сообщения, кафедра техносферной безопасности (Екатеринбург), доктор биологических наук

Косс Виктор Викторович

AuthorID: 563195

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма, НИИ спортивной медицины (Москва), кандидат медицинских наук.

Калинина Марина Анатольевна

AuthorID: 666558

Научный центр психического здоровья, Отдел по изучению психической патологии раннего детского возраста (Москва), кандидат медицинских наук.

Сырочкина Мария Александровна

AuthorID: 772151

Пфайзер, вакцины медицинский отдел (Екатеринбург), кандидат медицинских наук

Шукшина Людмила Викторовна

AuthorID: 484309

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Головной вуз: РЭУ им. Г.В. Плеханова, Центр гуманитарной подготовки, Кафедра психологии (Москва), доктор философских наук

Оленев Святослав Михайлович

AuthorID: 400037

Московская государственная академия хореографии, кафедра гуманитарных, социально-экономических дисциплин и

менеджмента исполнительских искусств (Москва), доктор философских наук.

Терентий Ливиу Михайлович

AuthorID: 449829

Московская международная академия, ректорат (Москва), доктор филологических наук

Шкаренков Павел Петрович

AuthorID: 482473

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), доктор исторических наук

Шалагина Елена Владимировна

AuthorID: 476878

Уральский государственный педагогический университет, кафедра теоретической и прикладной социологии (Екатеринбург), кандидат социологических наук

Франц Светлана Викторовна

AuthorID: 462855

Московская государственная академия хореографии, научно-методический отдел (Москва), кандидат философских наук

Франц Валерия Андреевна

AuthorID: 767545

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства (Екатеринбург), кандидат философских наук

Глазунов Николай Геннадьевич

AuthorID: 297931

Самарский государственный социально-педагогический университет, кафедра философии, истории и теории мировой культуры (Москва), кандидат философских наук

Романова Илона Евгеньевна

AuthorID: 422218

Гуманитарный университет, факультет социальной психологии (Екатеринбург), кандидат философских наук

Ответственный редактор
Чукмаев Александр Иванович
Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права.
(Астана, Казахстан)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

198320, Санкт-Петербург, Город Красное Село, ул. Геологическая,
д. 44, к. 1, литера А

Адрес электронной почты: info@national-science.ru

Адрес веб-сайта: <http://national-science.ru/>

Учредитель и издатель ООО «Логика+»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620144, г. Екатеринбург,
улица Народной Воли, 2, оф. 44

Художник: Венерская Виктория Александровна

Верстка: Коржев Арсений Петрович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Асатрян А.А., Галяутдинов Р.Р.

ЗНАЧЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В СЛЕДСТВЕННО-СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ 6

Ахметова Г.А.

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В СТАРШИХ КЛАССАХ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА 9

Леонтьев Р.Г.

ЧАСТЬ 1. ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ КОММЕРЧЕСКОЙ ЛОГИСТИКИ: УЧЕБНИК ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ ДВАДЦАТОГО ВЕКА (148-150) 13

Леонтьев Р.Г.

ЧАСТЬ 2. ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ КОММЕРЧЕСКОЙ ЛОГИСТИКИ: УЧЕБНИК ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ ДВАДЦАТОГО ВЕКА (151-155) 16

Леонтьев Р.Г.

ЧАСТЬ 3. ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ КОММЕРЧЕСКОЙ ЛОГИСТИКИ: УЧЕБНИК ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ ДВАДЦАТОГО ВЕКА (156-161) 19

Лесохина А.М.

СЕМАНТИЗАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ ПОСРЕДСТВОМ ТЕКСТОВ ПАРЕМИОЛОГИИ 23

Машираббекова А.М.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ, ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОКАНДСКОГО ДИАЛЕКТА УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА 27

Намозова Н.А.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ Н. А. БЕРДЯЕВА 33

Смирнов С.Ф.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ 35

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК 343.132

ЗНАЧЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В СЛЕДСТВЕННО-СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Асатрян А.А.

*Уфимский Университет Науки и Технологий,
Институт Права, г. Уфа
студентка 4 курса*

Галяутдинов Р. Р.

*Уфимский Университет Науки и Технологий,
Институт права, г. Уфа*

Кандидат Юридических Наук, доцент кафедры криминалистики

THE IMPORTANCE OF THE INVESTIGATIVE EXPERIMENT IN INVESTIGATIVE AND JUDICIAL PRACTICE

A.A. Asatryan

*Ufa University of Science and Technology, Institute of Law, Ufa,
4th year student*

R. R. Galyautdinov

*Ufa University of Science and Technology, Institute of Law, Ufa
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminology*

АННОТАЦИЯ

В данной статье приведено понятие следственного эксперимента в следственно-судебной практике, дана его классификация и определены особенности проведения. Также сформированы группы тактических приемов, использование которых рекомендуется в процессе проведения следственного эксперимента. Обозначена значимость следственного эксперимента в следственно-судебной практике. Приведены виды следственных ошибок, причины которых, как предполагается, могут заключаться в непрофессионализме, несерьезном отношении следователя к делу по причине, возможно, недостаточности его опыта.

ANNOTATION

This article presents the concept of an investigative experiment in investigative and judicial practice, gives its classification and defines the features of its conduct. Groups of tactical techniques have also been formed, the use of which is recommended in the process of conducting an investigative experiment. The importance of the investigative experiment in investigative and judicial practice is indicated. The types of investigative errors are given, the reasons for which, as it is assumed, may be unprofessionalism, the investigator's frivolous attitude to the case due, perhaps, to the insufficiency of his experience.

Ключевые слова: следственный эксперимент, следственная ошибка, следователь, дознаватель.

Keywords: investigative experiment, investigative error, investigator, inquirer.

Введение. Для законного и обоснованного решения по уголовному делу важную роль играют своевременные, качественные и правильно выполненные следственные действия и мероприятия. На качество осуществления предварительного расследования влияют множество факторов и условий. В связи с этим, главной задачей является реализация проверки и оценки доказательств путем осуществления следственных действий [6, с. 510].

В судебно-следственной практике основным способом установления причинных связей в процессе расследования преступления выступает следственный эксперимент, а именно следственные действия, которые в себе содержат экспериментальные методы установления или опровержения доказательств преступления.

Таким образом, следственный эксперимент имеет особую криминалистическую значимость в

восстановлении причинно-следственных связей преступления.

Цель исследования – определить значимость следственного эксперимента в следственно-судебной практике.

Материал и методы исследования. Для достижения поставленной цели были использованы общие и частные методы научного познания: анализ, синтез, логический, сравнительный, системно-структурный.

Результаты исследования и их обсуждение. На наш взгляд, значимость следственного эксперимента очевидна, т.к. в ходе его проведения используется не менее двух-трех опытов, в результате которых осуществляется относительная чистота и точность доказывания присутствия связи между процессами, явлениями и фактами [3, с. 164].

Следственный эксперимент является самостоятельным следственным действием,

которое, как указано в ст. 181 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [9] (далее — УПК РФ), осуществляется «путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела».

Следственный эксперимент способствует детализации уголовной ситуации, помогает определить подлинность либо недостоверность обстоятельств уголовного дела, в рамках которого осуществляется следственное действие. Следственный эксперимент осуществляет доказательность в соответствии с нормами и условиями его производства. К примеру, во время следственного эксперимента в отношении несовершеннолетнего должны присутствовать также психолог и его законный представитель.

Согласно ст. 73 УПК РФ [9], к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, в первую очередь относятся событие преступления, т.е. время, место, способ и т.д. Соответственно, для подготовки следственного эксперимента важно выбрать место и время, где непосредственно будут осуществляться следственные действия. Тогда главной задачей перед его началом для дознания становится выстраивание плана проведения следственного эксперимента, акцентируя внимание на воссоздании окружающей обстановки, когда было совершено преступление. Целью следственного эксперимента выступает установление истины.

Следственный эксперимент является процессом трудоёмким, в ходе которого дознаватель должен использовать те или иные тактические приёмы [1, с. 44]:

- создание природных условий, когда было совершено преступление, должно учитывать сезон, погодные данные, освещение или искусственный свет, звуковое сопровождение для наибольшего воссоздания условий преступления;

- последовательность событий преступления должна быть воссоздана в следственном эксперименте;

- при следственном эксперименте должны быть задействованы аналогичные объекты и предметы как с момента преступления.

Дополнить тактические правила воссоздания момента преступления помогает научная работа другого автора, Лившица Е. М., который предлагает относить к таковым [4, с. 213]:

- конкретную территорию события либо её территориальную реконструкцию;

- соблюдение временных рамок воссоздания преступления, воссоздание событий непосредственно по часам моменты совершения деяния;

- использование орудия преступления, либо иных объектов и средств его совершения, максимально точных схожих с реальными, использованными преступлением;

- строгое расположение всех участников следственного эксперимента по своим точкам и непосредственного производства опыта;

- неоднократное повторение воспроизведения некоторых опытов в процессе эксперимента.

Важным аспектом следственного эксперимента выступает его безопасность. Другими словами, при его проведении не должно возникать угроз здоровью лиц, в нём участвующих, причиняться какой-либо материальный вред, унижаться честь и достоинство любого из его участников [2, с. 186].

Как было отмечено ранее, многократность повторения следственного эксперимента может привести к стабильности его результата. В следственно-судебной практике есть случай многократного поднимания участником эксперимента манекена, что помогло установить невозможность совершения подобного действия без причинения вреда человеческому здоровью [8].

Именно проведением опытных мероприятий следственный эксперимент будет отличаться от прочих следственных действий, таких как проверка показаний, осмотр, фактические данные которых получаются путём измерения либо наблюдения.

При осмотре не допускается реконструкция обстановки, как в следственном эксперименте, расположение предметов и других источников информации должно быть строго зафиксировано. В следственном же эксперименте обстановку можно реконструировать, а источниками информации выступают не только материальные, но и идеальные объекты, такие как показания, в том числе и несовершеннолетних, потерпевших, и другое [11, с. 4].

Проверка показаний проводится в обстановке без осуществления каких-либо опытных действий, что свойственно именно следственному эксперименту. Проверяются только ранее собранные показания.

И. А. Попов и В. В. Мозякова [7, с. 612] попытались сформулировать определённые критерии следственного эксперимента, а также классифицировать его виды. Так следственным является эксперимент по:

1. Установлению способности к совершению определённых действий;

2. Выявлению следственной работе какого-либо факта;

3. Установлению вероятности наступления тех или иных событий;

4. Проверке механизма совершения преступления.

Согласно П.А. Лупинской [5, с. 718], эксперименты могут быть психологическими и тактическими.

Психологические предусматривают определение психических качеств обвиняемого/несовершеннолетнего/свидетеля и так далее, а тактические предполагают наличие заранее подготовленного плана по установлению действий причастного к совершению преступления лица на фоне «знания обстоятельств», полученных

до эксперимента. Такой эксперимент проводится в целях изобличения виновного знанием подготовленной совокупности фактов.

Если исследовать следственно-судебную практику более подробно, можно выяснить, что следственный эксперимент всегда подразумевает наличие человеческого фактора, то есть возможности возникновения ошибок по упущению дознавателя в ходе собирания, проверки и оценки доказательств. Такие ошибки называются «следственными».

Халитова Р.Д. определяет следующие четыре группы следственных ошибок [10, с. 182]:

1. Первая группа. Неправильное применение техники криминалистических приёмов и средств в ходе следственного эксперимента. Подобного рода ошибки могут возникнуть, когда в следственном эксперименте отсутствует нужный специалист, что влечёт за собой неверное использование криминалистической техники по обнаружению и изъятию вещественных доказательств.

2. Вторая группа. Ошибки в ходе построения и проверки версий. Такое происходит, когда версия дознавателя основывается на полученных первых данных о преступлении, которые, на наш взгляд, не являются надёжными. Следователь должен рассматривать несколько направлений, чтобы успешно расследовать преступление, изучать его с разных точек зрения. Неполнота фактических данных по определённому делу возникает, когда следователь прибегает к «типичной» версии, не замечая прочих обстоятельств, идёт по неверно выбранному пути и «заходит в тупик».

3. Третья группа. Ошибки в ходе организации и планирования расследования преступления. По мнению Халитовой Р.Д., наиболее часто встречаемый тип ошибок. Грубейшим нарушением выступает расследование дела без медэксперта, криминалиста, участкового, которые свободно ориентируются во вверенной им территории. Ошибкой также будет являться неверное распределение обязанностей между участниками следственного эксперимента.

4. Четвёртая группа. Тактические ошибки и упущения следователя, когда не учитываются важные моменты преступления, не допрашиваются некоторые свидетели, эксперты или даже потерпевшие, несмотря на очевидную потребность в этом.

На наш взгляд, ещё одной грубейшей ошибкой следственного эксперимента будет невозможность условий реальной картины и механизма преступления.

Подводя итоги вышеперечисленной классификации ошибок, можно выделить причину их возникновения, которая заключается в непрофессионализме, несерьёзном отношении следователя к делу по причине, возможно, недостаточности его опыта.

Выводы. Таким образом, следственное действие в виде эксперимента играет важную роль в судебно-следственной практике, помогают сохранять чистоту и точности доказательности в

совершении преступления. Несмотря на это, бывают случаи, когда из-за ошибок при проведении следственных действий, в том числе следственного эксперимента, представляется невозможным направление уголовных дел в суд, поскольку ход и результаты неправильно обоснованы.

Осуществление проверки и оценки собранных уголовно-процессуальных доказательств могут быть качественными в случаях, когда проведенные следователем (дознавателем) следственные экспериментальные действия позволяют проверить полученные информационные сведения на достоверность, точность и справедливость.

Помимо этого, осуществление следственного эксперимента воздействует на воспроизведение обстановки, что помогает в полном объеме, с учетом всех изъянов, специфических черт увидеть каким способом, в какой обстановке и в каком месте совершалось преступление. Эффективность проведения следственного эксперимента полностью зависит от точности и качества его выполнения следователем (дознавателем), так как следственные действия, осуществленные при эксперименте, будут зафиксированы в соответствующий протокол и в последующем служить доказательной базой по уголовному делу.

Список литературы

1. Винникова Д.С., Купряшина Е.А. Тактические особенности и проблемы производства следственного эксперимента // *Wissenschaft und Bildung: in und ausländische Erfahrung: 1 KONFERENZ, Gelsenkirchen, 17 июля 2023 года. Gelsenkirchen: Henze Verlag, 2023. С.43-48.*
2. Диденко Н.С., Мортугина Н.А. Следственный эксперимент: понятие, сущность, классификация // *Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 1. С.185-189.*
3. Дьяконова О. Г. Некоторые вопросы судебной экспертизы и их отражение в трудах С. А. Шейфера // *Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 4. С.164-172.*
4. Лившиц Е.М. Тактика следственных действий. Москва: Юрайт, 2015. 478 с.
5. Лупинская П.А., Воскобитова Л.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. С.718.
6. Мусина А.Ф. Особенности производства следственного эксперимента // *Матрица научного познания. 2023. № 5-2. С.509-513.*
7. Попов И.А. Статья 181. Следственный эксперимент // *Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Мозякова, Г.В. Мальцева, И.Н. Барцица. М., 2003. С. 611-613.*
8. Постановление Президиума Верховного суда Республики Карелия по делу № 44У-42/2014 от 03 декабря 2014 года // [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/23195941/> (дата обращения: 16.12.2023).

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

10. Халитова Р.Д. Криминалистические аспекты следственных ошибок // Студенческая наука - взгляд в будущее: Материалы XVII Всероссийской студенческой научной

конференции, Красноярск, 16-18 марта 2022 года. Том Часть 4. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. С.182-183.

11. Шундикова Ю.Е. Особенности проведения следственного эксперимента в российском уголовном процессе // Политика, государство и право. 2016. № 5. С. 4.

УДК 801.73

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В СТАРШИХ КЛАССАХ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА

Ахметова Г.А.

*ФГБОУ ВО «Уфимский институт науки и технологий»,
доцент кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела,
Россия, 450032, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32*

ANALYSIS OF LITERARY TEXT IN HIGH SCHOOL IN THE LIGHT OF THE MODERN EDUCATIONAL STANDARD

G.A. Akhmetova

*Ufa Institute of Science and Technology,
Associate Professor of the Department of Russian, Foreign Literature and Publishing,
Zaki Validi str., Ufa, 450032, Russia, 32*

[DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2023.2.96.821](https://doi.org/10.31618/NAS.2413-5291.2023.2.96.821)

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются возможности формирования навыков анализа и интерпретации художественного текста в старших классах на материале аналитических заданий Всероссийской олимпиады школьников по литературе. В соответствии с уровнем современной филологии и требованиями образовательного стандарта, показана эффективность целостного, многоаспектного анализа текста, сочетающего разные подходы – структурный, интертекстуальный, контекстуальный. Предметом рассмотрения являются олимпиадные аналитические задания высокого уровня сложности – рассказ С.Д. Кржижановского «Окно» и стихотворение И.Ф. Жданова «Мороз в конце зимы трясет сухой гербарий».

ABSTRACT

The possibilities of developing skills in analysis and interpretation of literary text in high school are considered based on the material of analytical tasks of the All-Russian Olympiad for schoolchildren in literature. In accordance with the level of modern philology and the requirements of the educational standard, the effectiveness of a holistic, multidimensional text analysis, combining different approaches - structural, intertextual, contextual - is shown. The subject of consideration is olympiad analytical tasks of a high level of complexity - the story of S.D. Krzhizhanovsky "Window" and the poem by I.F. Zhdanov "Frost at the end of winter shakes the dry herbarium." **Ключевые слова:** С. Кржижановский, «Окно», И. Жданов, «Мороз в конце зимы трясет сухой гербарий», текст, структурный анализ, интертекстуальность, контекст.

Keywords: S. Krzhizhanovsky, "Window", I. Zhdanov, "Frost at the end of winter shakes a dry herbarium", text, structural analysis, intertextuality, context.

Введение. Современный образовательный стандарт в области преподавания литературы нацеливает учителей-словесников на формирование у школьников навыков глубокого анализа и доказательной интерпретации произведений классических и современных писателей. Между тем, даже в старших классах на уроках литературы «идейно-тематический», «проблемный» подход к произведению считается приоритетным и наиболее верным. Возникает иллюзия, что «проблема», волнующая автора, постигается сразу и не требует филологических навыков и интеллектуальных усилий. Очевидно, что в старшем звене школы уделяется недостаточно внимания способности анализировать и понимать художественный текст. Между тем, аналитические

навыки остро необходимы старшеклассникам при выполнении заданий ЕГЭ по литературе и особенно – заданий Всероссийской олимпиады по литературе. Цель данной работы – показать возможности современного подхода к тексту, сочетающего в себе разные аспекты анализа – структурный, интертекстуальный, контекстуальный. Материалом для статьи послужили аналитические задания повышенного уровня сложности, предлагаемые старшеклассникам на Всероссийской олимпиаде по литературе.

Методы и материалы. В любом произведении искусства различимы «содержание» и «форма», «что» и «как». Возникает вопрос: при рассмотрении художественного текста куда должен

быть направлен вектор внимания исследователя – от формы к смыслу или наоборот?

Важно понимать, что форма (структура) всегда первична по отношению к содержанию (смыслу). Содержание в произведении искусства оформлено, структурировано и, напротив, форма содержательна. Это значит, что даже микроскопический структурный элемент текста способен выразить важный смысл, авторскую позицию. Что, например, может меньше такого элемента формы, как знак препинания? Так, эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир» завершается многоточием (фигурой умолчания). Действие в эпилоге романа происходит в 1820 году, спустя семь лет после событий, описанных в основной части произведения. Важные изменения произошли в судьбах героев. Пьер – член тайного общества, а Николенька Болконский восхищается дядей и мечтает совершить подвиг, достойный покойного отца. Подросток видит вещий сон и, проснувшись, думает: «Я сделаю то, чем даже он был бы доволен...» Многоточие приближает повествование к недалеким уже событиям 1825 года на Сенатской площади. Благодаря умолчанию колоссальное произведение Толстого начинает восприниматься как часть незавершенной саги, в которой отсутствует «финальный занавес» [1].

Говоря о принципах анализа художественного текста, важно помнить определение литературоведа Ю. М. Лотмана: «Текст – сложно построенный смысл» [5, 8]. В самом деле, произведение – сложное «построение», в котором важен каждый элемент. Оттого основополагающим аспектом рассмотрения литературно-художественного текста является анализ его формы, или структурной целостности.

О каких структурных элементах текста идет речь? Это жанр, персонажи, сюжет, композиция, хронотоп, описания, детали. В лирическом стихотворении важны такие элементы формы, как стихотворный размер, рифма, строфа. Наконец, авторская позиция может быть концентрированно выражена в рамочном комплексе, включающем в себя название произведения, подзаголовок, эпиграф, датировку, авторское предисловие [7].

Структурный анализ текста является главным, важнейшим аспектом его рассмотрения. Он может быть дополнен другими видами анализа: интертекстуальным и контекстуальным. Интертекстуальные связи (цитаты, парафразы, реминисценции, аллюзии) позволяют понять глубинный смысл произведения, подтекст, который далеко не всегда выражен вербально [3; 6]. Наконец, контекстуальный подход предполагает рассмотрение художественного текста с точки зрения его жанрово-тематических связей с русской и мировой литературой [7, 291-293]. Сочетание разных аспектов анализа: структурного, интертекстуального, контекстуального – лежит в основе целостного, комплексного рассмотрения текста. Он наиболее востребован и эффективен при выполнении аналитических олимпиадных заданий

и заданий Единого государственного экзамена по литературе в одиннадцатом классе.

В качестве примера подобного подхода обратимся к текстам повышенного уровня сложности, предлагаемым старшеклассникам на Всероссийской олимпиаде по литературе. Анализ рассказа З.Д. Кржижановского «Окно» и стихотворения И.Ф. Жданова «Мороз в конце зимы трясет сухой гербарий», разумеется, не претендует на окончательный характер. Это попытка показать возможности многоаспектного подхода к литературному произведению.

Рассказ Кржижановского «Окно» был предложен в текущем году в качестве аналитического задания на региональном этапе олимпиады в десятом классе. Жанровая форма произведения – рассказ с немалой долей печально-иронического гротеска. В произведении чувствуется большая культурная традиция, опыт классической литературы, в первую очередь Гоголя. От Гоголя Кржижановский унаследовал способность подмечать абсурд реальной жизни и воплощать его в гротескных формах. От Гоголя – печальная ирония, «смех сквозь слезы». От Гоголя же – экспрессивный стиль, в котором выразительность главенствует над изобразительностью.

События в рассказе происходят в России конца 1920-х – первой половины 1930-х годов. Хронотоп скупно просвечивает сквозь емкие детали. Так, упоминается «коопстрой», кооперативная строительная организация, существовавшая в 1927-1937 годах. Именно туда главный герой исправно уплачивал взносы. А впоследствии он переехал в «коопдом» – еще одна примета времени [4].

В соответствии с гоголевской традицией, главный персонаж Кржижановского вполне правдоподобен, «натурален», но при этом на нем лежит гротескный отблеск. Это неявный гротеск в духе «Мертвых душ», когда карикатурность не выражается в фантастических образах, но существует на ассоциативном уровне. Илья Ильич Витюнин – человек, для которого жизнь уместилась в узкое пространство кассы, а профессия кассира стала смыслом жизни. Касса замещает человеку жизнь. Это гротеск.

Образ Витюнина таит множество литературных реминисценций. Несомненна связь с гоголевским Башмачкиным, для которого шинель стала высшим смыслом жизни. Не случайно в названиях двух произведений вынесен материальный предмет. Шинель и окно кассы становятся метафорами духовной ущербности. Различие заключается в авторской позиции. Гоголь, иронизируя над духовной бедностью Башмачкина, все же жалеет его. Жалость в авторском тоне перевешивает иронию, писатель понимает трагедию бедности. Напротив, Кржижановский откровенно издевается над персонажем, добровольно заточившим себя в кассу, как в «собачью конуру».

Илья Ильич Витюнин имеет литературное родство и с чеховским Беликовым. Для Беликова

жизнь ограничена рамками начальственных предписаний и циркуляров. Все, что лежит за их пределами, вызывает в нем панический страх: «Дойдет до попечителя. Как бы чего не вышло». Витюнин же, привыкший к узкому пространству кассы, испытывает дискомфорт от солнечного света, лунных лучей и большого итальянского окна в новой квартире.

Очевидна близость героя Кржижановского Обломову Гончарова. На это намекает повторяемость имен: Илья Ильич. На первый взгляд, герои в большей мере несходны, чем похожи. Обломов не расстается с диваном, абсолютно и принципиально бездеятелен, а Витюнин, даже выйдя на пенсию, имитирует у себя в квартире на седьмом этаже привычную деятельность в окошечке кассы. При всем том жизнь обоих героев статична, в ней ничего не меняется. Обломов прожил жизнь, в которой не было событий: не служил, не женился, только стал отцом одного ребенка, прижитого с Агафьей Пшеницкой. Герой Кржижановского вообще живет вне времени, не замечая исторических событий – того, например, как из «господина» он превратился в «товарища».

Стиль писателя предельно экспрессивен, в его основе – гротеск и символика. Так, символична антитеза широкого итальянского окна в квартире Витюнина и окошка кассы, с которым он не готов расстаться даже на пенсии. Антитеза вмещает в себя важнейшие антиномии: живого и мертвого, свободы и заточения, поэзии и прозы

Символична в рассказе цветопись, в которой желто-серо-черная гамма контрастирует с синими лунными лучами и солнечным светом. Особенно выразителен желтый цвет, болезненный и безжизненный. Этот цвет таит литературную реминисценцию: позволяет вспомнить роман Достоевского «Преступление и наказание». Петербург изображен Достоевским как огромный мегаполис, душный, с преобладанием грязно-желтого цвета.

Экспрессивность стиля усиливают метафоры, граничащие с неологизмами. Яркие примеры: «доживальное жилище», «вдождем» [4].

При высочайшей степени выразительности, стиль писателя емкий и лаконичен. В искусстве избирательных деталей и подтекста Кржижановский – наследник Чехова. Подобно автору «Ионыча», Кржижановскому достаточно нескольких эпизодов, чтобы рассказать о всей жизни персонажа – историю несостоявшейся жизни.

Необычайно выразительный и емкий характер имеет четвертая часть рассказа, выполняющая функцию эпилога. Уличный диалог двух подвыпивших прохожих, на первый взгляд, мало примечателен. На самом деле эпилог позволяет включить историю Илья Ильича Витюнина в широкий исторический контекст русской жизни 1920-1930-х годов. В устах случайных прохожих упоминание о созвездии Кассиопее возникает в одном ряду со странной «кассой» на седьмом этаже

в квартире Витюнина, мыслями о получке и выпивке. Поэзия снижается до жалкой прозы, космос – до окошечка кассы. Финальный эпизод погружает в атмосферу убогой жизни общества, лишенного подлинной свободы. Совсем не уникальной оказывается история героя, добровольно заключившего себя в кассу.

Рассказ Кржижановского – в высшей степени литературное произведение, пронизанное множеством реминисценций из классической прозы. Автор не боится этой узнаваемости и как будто специально подчеркивает «чуждое» слово в собственном повествовании. Оно не мешает Кржижановскому быть вполне оригинальным писателем новой эпохи, который уже далек от сострадательного отношения к «маленькому человеку», свойственного классике. Кржижановский не находит основания для сочувствия новому миру, предпочитая иронию и гротеск.

Анализ лирического стихотворения имеет свою специфику в сравнении с рассмотрением прозаического или драматического произведения. Лирика субъективна и «невывразима». Смысл любого стихотворения лежит не на внешнем, лексическом уровне, а глубже, на уровне психологических и символических ассоциаций. Подтекст, или недосказанность, присущ любому литературному произведению, но в лирике он становится принципиальным качеством.

Рассмотрим стихотворение И. Ф. Жданова «Мороз в конце зимы трясёт сухой гербарий», предложенного несколько лет назад десятому классу в качестве аналитического задания на региональном этапе олимпиады. Написано стихотворение в 1973 году, датировка важна, она обращает исследователя к конкретной эпохе в истории России.

*Мороз в конце зимы трясёт сухой гербарий
и гонит по стеклу безмолвный шум травы,
и млечные стволы хрипят в его пожаре,
на прорези пустот накладывая швы.
Мороз в конце зимы берёт немую спицу
и чертит на стекле окошка моего:
то выведет перо, но не покажет птицу,
то нарисует мех и большие ничего.
Что делать нам в стране, лишённой суесловья?
По несколько веков там длится взмах ветвей.
Мы смотрим сквозь себя, дыша его любовью,
и кормим с рук своих его немых зверей.
Мы входим в этот мир, не прогибая воду,
горящие огни, как стебли, разводя.
Там звёзды, как ручьи, текут по небосводу
и тянется сквозь лёд голодный гул дождя.
Пока слова и смех в беспечном разговоре –
лишь повод для него, пока мы учим снег
паденью с облаков, пока в древесном хоре,
как лёд, звенят именьи, пока вся жизнь навек
вдруг входит в этот миг неведомой тоскою,
и некуда идти, – что делать нам в плену
морозной тишины и в том глухом покое
безветренных лесов, клонящихся ко сну? [2]*

С точки зрения жанровой формы стихотворение И. Жданова можно отнести к гражданско-философской лирике. В основе трехчастной композиции произведения лежит принцип аналогии, или параллелизма. Мороз в стихотворении – образ конкретный и символический.

В первой строфе это просто мороз, холод, низкая температура, из-за чего на стеклах домов появляются характерные морозные узоры. Об этих причудливых узорах поэт говорит ясно и зримо. Прорези пустот – это окна, «швы» – морозные узоры. Шелестящая мертвая, сухая прошлогодняя трава, торчащая из-под снега, как бы переносится на стекло. И даже не сама она, а «шум травы», будто застывающий в узоре на стекле. Морозный рисунок предстает как графическое выражение звука и вместе с тем ощущения от созерцания зимнего пейзажа. Мороз-художник, подобно, граверу, «немой спицей» рисует на стекле.

Но во второй и третьей строфах «мороз» предстает уже в символическом значении, как особое состояние мира, которое с болью и тревогой переживается поэтом. В этом мире нет подлинной жизни: «слова и смех в беспечном разговоре – лишь повод для него». Поэт с иронией замечает: «здесь учат снег паденью с облаков». Жизнь томит лирического героя «неведомой тоскою, и некуда идти» [2]. Современность воспринимается как морозный холод, мертвое безвременье. Но все же мороз трясет «сухой гербарий в конце зимы». В этой дважды повторенной детали есть надежда на перемену «погоды» в обществе.

Поэтический стиль И. Жданова можно назвать изобразительно-выразительным. Визуально наглядные образы сочетаются в стихотворении с символикой и метафорами, порой трудно постигаемыми, почти иносказанием. Экспрессию усиливают вопросительно-восклицательные конструкции и прием ретардации (замедления) в последней, заключительной строфе.

Анализ структурных элементов стихотворения позволяет понять его глубинный смысл. Поэт с болью переживает духовный застой, царящий в современном обществе. Контекстуально

стихотворение И. Жданова перекликается с элегией М. Лермонтова «Дума», в которой поэт оплакал «потерянное поколение» 1830-х годов, эпохи николаевского безвременья.

Заключение. Таким образом, обучение навыкам целостного, многоаспектного анализа литературно-художественного произведения в единстве всех возможных подходов – структурного, интертекстуального, контекстуального – важнейшая задача учителя-словесника в старших классах. Эта задача соответствует современным образовательным стандартам. Навыки анализа и интерпретации текста особенно актуальны при выполнении школьниками аналитических заданий повышенного уровня сложности на Всероссийской олимпиаде по литературе и заданий Единого государственного экзамена по литературе.

Список литературы

1. Ахметова Г. А. Эпилог романа Л. Н. Толстого «Война и мир» в свете гомеровской традиции // Вестник Башкирского университета. 2022. Т. 27. № 2. С. 462-465.
2. Жданов И. Ф. Мороз в конце зимы трясет сухой гербарий; URL: <https://stihi.ru/2020/03/05/3839>
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1995. № 1. С. 147-156.
4. Кржыжановский С. Д. Окно; URL: <http://krzhizhanovskiy.lit-info.ru/krzhizhanovskiy/proza/rasskazy/okno.htm>
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. М.: Азбука, 2015. 704 с.
6. Моташкова С. В. Феномен интертекстуальности: итоги и проблемы исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 2. С. 19-22.
7. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000. 398 с.

**ЧАСТЬ 1. ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ
КОММЕРЧЕСКОЙ ЛОГИСТИКИ: УЧЕБНИК ТРЕТЬЕГО
ДЕСЯТИЛЕТИЯ ДВАДЦАТОГО ВЕКА (148-150)**

Леонтьев Р.Г.

*д-р. экон. наук, профессор, главный научный
сотрудник (Хабаровский федеральный исследовательский
центр ДВО РАН, г. Хабаровск, РФ)*

**PART 1. CONTRADICTIONS IN DEFINITIONS
COMMERCIAL LOGISTICS: TEXTBOOK OF THE THIRD
DECADES OF THE TWENTIETH CENTURY (148-150)**

R.G. Leontiev

*doctor of Economics, professor,
chief Researcher (Khabarovsk Federal Research Center of the Eastern Branch of the Russian
Academy of Sciences, Khabarovsk city, Russia)*

DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2023.2.96.824

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ первой части двадцать девятого варианта определений современной логистики, которые изложены в учебнике по коммерческой логистике начала третьего десятилетия настоящего века. В результате данного анализа зафиксированы недопустимые для учебной литературы противоречия познавательного и редакционного характера.

ANNOTATION

The article presents an analysis the first part of the twenty-ninth version of the definitions of modern logistics, which are set out in the textbook on commercial logistics of the beginning of the third decade of the present century. As a result of this analysis, contradictions of a cognitive and editorial nature that are unacceptable for educational literature are recorded.

Ключевые слова: Коммерческая логистика, современные определения, учебная литература, образовательные и редакционные противоречия.

Key words: Commercial logistics, modern definitions, educational literature, educational and editorial contradictions.

Современные представления о множественных вариантах определений понятия «логистика» и различных родственных ему терминов продолжали излагаться в отечественной научной и учебной литературе, изданной во втором десятилетии двадцать первого века и которой были свойственны значительные противоречия (антиномии, парадоксы и алогизмы).

Двадцать девятый вариант изложения современных определений логистики (2023) был представлен в табл.1.1 из подраздела 1.1 и заключительной части («Основные термины, использованные в главе 1») главы 1 учебника по коммерческой логистике [1, с. 45-47].

Противоречие 148. При освещении двадцать девятого варианта изложения определений понятия «логистика» в табл.1.1 подраздела 1.1 учебника по коммерческой логистике [1, с. 6] представлено следующее утверждение:

«Логистика – наука о планировании, контроле и управлении транспортированием, складированием и другими материальными и нематериальными операциями, совершаемыми в процессе доведения сырья и материалов до производственного предприятия, внутризаводской переработки сырья, материалов и полуфабрикатов, доведения готовой продукции до потребителя в соответствии с интересами и требованиями последнего, а также передачи, хранения и обработки соответствующей информации» [1, с. 6].

Относительно данного утверждения [1, с. 6], содержащего определение логистики, можно и обязательно необходимо зафиксировать недопустимые для учебной литературы высшего и среднего профессионального образования смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, известно, что логистика - это прежде всего вид хозяйственной деятельности (конкретная хозяйственная функция), а логистическая наука – это система знаний о закономерностях развития логистики как вида хозяйственной деятельности. Поэтому сообщать в данном утверждении [1, с. 6], что логистика - это прежде всего только наука, представляется весьма спорным действием для сферы высшей школы;

- во-вторых, также широко и давно известно, что основными (общими) функциями управления (менеджмента) являются планирование, организация, координация, стимулирование (мотивация) и контроль. Поэтому, с одной стороны, перечисление в данном утверждении [1, с. 6] в одном ряду равнозначных элементов «управления» и входящих в него «планирования» и «контроля» представляется весьма сомнительным действием. А, с другой стороны, если уж и упоминать здесь об основных функциях «управления», то наряду с «планированием» и «контролем» следовало бы

назвать «организацию», «координацию» и «стимулирование (мотивацию)»;

- в-третьих, поскольку главным предназначением логистики общепризнано управление материальным потоком, то из выражения - «управлении транспортированием, складированием и др. материальными и нематериальными операциями» - следовало бы изъять словосочетание «и нематериальными» как не соответствующее указанному предназначению;

- в-четвертых, во избежание повторного использования общеупотребительного слова «доведения» и более адекватного отражения специфической сути определения логистики в нем следовало бы вместо недостаточно продуманно построенного выражения – «доведения сырья и материалов до производственного предприятия» - употребить какое-то достаточно корректное для данного случая терминологическое словосочетание, например, - «поставки сырья и других материалов промышленному предприятию»;

- в-пятых, вместе с тем известно [2,3], что *предприятие* – это производственное учреждение, завод, фабрика и т. п. (то есть не только «завод»), что *производство* – это изготовление, выработка, создание какой-нибудь продукции (то есть производство - это не только «переработка сырья и материалов», но и сборка, испытания и т. п.). Также известно, что материалы, необходимые для производства продукции, это не только «сырье» и «полуфабрикаты», но и комплектующие изделия, ГСМ и т. п. Поэтому в представленном в данном утверждении понятийного определении логистики [1, с. 6] следовало бы вместо недостаточно корректного выражения - «внутризаводской переработки сырья, материалов и полуфабрикатов, доведения готовой продукции до потребителя» - употребить приемлемое словосочетание, например, - «использования сырья и других материалов для производства готовой продукции и ее доставки покупателю»;

- в-шестых, давно и широко известно, что передача, хранение и обработка соответствующей информации не являются сугубо специфическими особенностями логистики, а присущи и другим видам (функциям) хозяйственной деятельности (маркетинговой, инновационной, финансовой, производственной, кадровой). Поэтому из рассматриваемого здесь определения логистики [1, с. 6] следовало бы убрать как излишнее выражение – «а также передачи, хранения и обработки соответствующей информации».

Таким образом здесь налицо – с одной стороны, свойственное содержанию учебника [1] явное противоречие фундаментально-исследовательского характера в виде антиномии (противоречие между двумя взаимоисключающими положениями, каждое из которых логически доказуемо [4]), а, с другой - свойственные тому же учебнику [1] противоречия исследовательского и редакционно-смыслового характера в виде парадокса во втором его значении

(в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [4]).

Противоречие 149. При освещении двадцать девятого варианта изложения определений понятия «логистика» в табл.1.1 подраздела 1.1 учебника по коммерческой логистике [1, с. 5-25] представлено следующее утверждение:

«Логистика – наука об управлении процессами концентрации, распределения и движения материальных, сервисных, информационных и финансовых потоков и оптимизации параметров данных потоков в микро- или макроэкономической системе для достижения поставленных перед ней целей» [1, с. 6].

Относительно данного утверждения [1, с. 6], содержащего определение логистики, можно и обязательно необходимо зафиксировать недопустимые для учебной литературы высшего и среднего профессионального образования смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, известно, что логистика - это прежде всего вид хозяйственной деятельности (конкретная хозяйственная функция), а логистическая наука – это система знаний о закономерностях развития логистики как вида хозяйственной деятельности. Поэтому сообщать в данном утверждении [1, с. 6], что логистика - это прежде всего только наука, представляется весьма спорным действием для сферы высшей школы;

- во-вторых, - известно [2,3]: что *поток* – это движущаяся масса чего-нибудь. Также известно, что услуга – это, как говорится, то, что «нельзя уронить на ногу». То есть отнюдь услуга отнюдь не материальна, производится и потребляется в одном и том же месте в одно и тоже время. Более того, известно [4], что *сервис* – это обслуживание. Поэтому безоговорочно сообщать в данном утверждении [1, с. 6] насчет, якобы, «сервисных потоков» представляется весьма сомнительным действием в образовательной сфере высшей школы. И в связи с этим из формулировки данного определения логистики [1, с. 6] следовало бы изъять как неуместно использованное слово - «сервисных»;

- в-третьих, давно и широко известно, что передача, хранение и обработка соответствующей информации и финансов не являются сугубо специфическими особенностями логистики, а присущи и другим видам (функциям) хозяйственной деятельности (маркетинговой, инновационной, производственной, кадровой). Поэтому из рассматриваемого здесь утверждения (определения логистики) [1, с. 6] следовало бы убрать как излишнее (неуместно использованное) выражение – «информационных и финансовых»;

- в-четвертых, в данном утверждении [1, с. 6] вместо неудачной (неуместной) словесной конструкции – «оптимизации параметров данных

потоков» - следовало бы употребить выражение – «оптимизации их параметров»;

- в-пятых, известно, что «оптимизация» является составной частью управления как применяемый в нем инструмент (способ, средство). И в связи с этим перечисление в одном ряду равнозначных элементов «управления» и «оптимизации» [1, с. 6]) представляется весьма сомнительным действием. Поэтому в данном утверждении из учебника по коммерческой логистике [1, с. 6] вместо некорректно приведенного выражения - «и оптимизации параметров» - следовало бы употребить какое-то достаточно приемлемое словосочетание, например, «с осуществлением оптимизации»;

- в-шестых, предыдущее определение логистики (см. выше противоречие 148) и рассматриваемое здесь определение логистики [1, с. 6] отнесены авторами учебника [1] к типовым определениям «логистики как науки». Вместе с тем в табл. 1.1 [1, с. 6] весьма странным образом первое из них, якобы, представлено в «функциональном аспекте логистики», а второе – выражено, якобы, в «управленческом аспекте логистике». На самом же деле первое из них содержит ключевое выражение «логистика- наука о... управлении», а второе – также ключевое выражение «логистика – наука об управлении». В данном случае налицо - явное противоречие, крайне недопустимая смысловая невязка для учебной литературы высшего и среднего профессионального образования.

Итак, и здесь налицо – очередные свойственные учебнику [1] противоречия исследовательского и редакционно-смыслового характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [4]).

Противоречие 150. При освещении двадцать девятого варианта изложения определений понятия «логистика» в табл.1.1 подраздела 1.1 учебника по коммерческой логистике [1, с. 6] представлено следующее утверждение:

«Логистика – - концепция прогнозирования, основанная на достижении высокого уровня надежности управления процессами доставки, и поэтому осуществление этой концепции обеспечивает бизнесменам относительную стабильность их деятельности в условиях неопределенности рыночной среды» [1, с. 6].

Относительно данного утверждения [1, с. 6], содержащего определение логистики, можно и обязательно необходимо зафиксировать недопустимые для учебной литературы высшего и среднего профессионального образования смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут

прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, известно, что логистика - это прежде всего вид (функция) хозяйственной деятельности промышленного предприятия, а *концепция* (система взглядов, то или иное понимание [2-4]) прогнозирования как начального из этапов планирования (одной из основных функций управления), используемая таким предприятием. Поэтому утверждать в учебнике по коммерческой логистике [1, с. 6], что логистика - это лишь «концепция прогнозирования», представляется весьма спорным действием для учебной литературы высшей школы;

- во-вторых, также широко и давно известно, что основными (общими) функциями управления являются планирование, организация, координация, стимулирование (мотивация) и контроль. Поэтому, с одной стороны, перечисление в данном утверждении [1, с. 6] в одном ряду равнозначных элементов «прогнозирования» как всего лишь начального из этапов «планирования», и целостного «управления» представляется весьма сомнительным действием. А, с другой стороны, если уж и упоминать здесь об основных функциях «управления», то наряду с «планированием» следовало бы назвать «организацию», «координацию», «стимулирование (мотивацию)» и «контроль»;

- в-третьих, в силу неудачной (неуместной) словесной конструкции формулировки данного утверждения [1, с. 6] следовало бы, в частности, убрать как излишнее (неуместно использованное) выражение – «поэтому осуществление этой концепции обеспечивает», а вместо него применить слово «обеспечивающей»;

Поэтому здесь налицо – очередные свойственные учебнику [1] противоречия исследовательского и редакционно-смыслового характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [14]).

Литература

1. Аникина Б.А., Тяпухин А.П. Коммерческая логистика: учебник / Под ред.– М.: Проспект, 2023. - 432 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2021. – 1360 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО "ИТИ Технологии", 2003. – 944 с.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Рус. яз., 1998. – 848 с.

**ЧАСТЬ 2. ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ
КОММЕРЧЕСКОЙ ЛОГИСТИКИ: УЧЕБНИК ТРЕТЬЕГО
ДЕСЯТИЛИТИЯ ДВАДЦАТОГО ВЕКА (151-155)**

Леонтьев Р.Г.

*д-р. экон. наук, профессор, главный научный
сотрудник (Хабаровский федеральный исследовательский
центр ДВО РАН, г. Хабаровск, РФ)*

**PART 2. CONTRADICTIONS IN DEFINITIONS
COMMERCIAL LOGISTICS: TEXTBOOK OF THE THIRD
DECADES OF THE TWENTIETH CENTURY (151-155)**

R.G. Leontiev

*doctor of Economics, professor,
chief Researcher (Khabarovsk Federal Research Center of the Eastern Branch of the Russian
Academy of Sciences, Khabarovsk city, Russia)
DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2023.2.96.825*

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ второй части двадцать девятого варианта определений современной логистики, которые изложены в учебнике по коммерческой логистике начала третьего десятилетия настоящего века. В результате данного анализа зафиксированы недопустимые для учебной литературы противоречия познавательного и редакционного характера.

ANNOTATION

The article presents an analysis the second part of the twenty-ninth version of the definitions of modern logistics, which are set out in the textbook on commercial logistics of the beginning of the third decade of the present century. As a result of this analysis, contradictions of a cognitive and editorial nature that are unacceptable for educational literature are recorded.

Ключевые слова: Коммерческая логистика, современные определения, учебная литература, образовательные и редакционные противоречия.

Key words: Commercial logistics, modern definitions, educational literature, educational and editorial contradictions.

Современные представления о множественных вариантах определений понятия «логистика» и различных родственных ему терминов продолжали излагаться в отечественной научной и учебной литературе, изданной во втором десятилетии двадцать первого века и которой были свойственны значительные противоречия (антиномии, парадоксы и алогизмы).

Противоречие 151. При освещении двадцать девятого варианта изложения определений понятия «логистика» в табл.1.1 подраздела 1.1 учебника по коммерческой логистике [1, с. 5-25] представлено следующее утверждение:

«Логистика – концепция управления предприятиями, организациями и их объединениями, основанная на рациональном использовании систем концентрации/распределения ресурсов, изготовления и доведения готовой продукции и услуг до конечного потребителя в соответствии с его интересами» [1, с. 6].

Относительно данного утверждения [1, с. 6], содержащего определение логистики, можно и обязательно необходимо зафиксировать недопустимые для учебной литературы высшего и среднего профессионального образования смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, известно, что логистика - это прежде всего вид (функция) хозяйственной деятельности промышленного предприятия, а *концепция* (система взглядов, то или иное понимание [2-4]) управления таким предприятием. Поэтому утверждать в учебнике по коммерческой логистике [1, с. 6], что логистика - это лишь «концепция управления», представляется весьма спорным действием для учебной литературы высшей школы;

- во-вторых, поскольку организации могут быть объединениями предприятий, то вместо некорректного (неуместно примененного) выражения – «организациями и их объединениями» - авторам учебника [1] следовало бы употребить достаточно приемлемое словосочетание - «и организациями».

- в-третьих, предыдущее определение логистики (см. выше противоречие 150) и рассматриваемое здесь определение логистики [1, с. 6] отнесены авторами учебника [1] к типовым определениям «логистики как концепции управления». Вместе с тем в табл. 1.1 [1, с. 6] весьма странным образом первое из них, якобы, представлено в «функциональном аспекте логистики», а второе – выражено, якобы, в «управленческом аспекте логистике». На самом же деле первое из них содержит ключевое выражение «логистика – *концепция* прогнозирования, основанная на достижении... надежности

управления», а второе – также ключевое выражение «логистика – *концепция управления*». То есть оба указанных определения логистики в той или иной степени основываются на концепции управления. В данном случае налицо – явное противоречие, крайне недопустимая смысловая невязка для учебной литературы высшего и среднего профессионального образования.

Таким образом и здесь налицо – очередные свойственные учебнику по коммерческой логистике [1] противоречия исследовательского и редакционно-смыслового характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [2]).

Противоречие 152. При освещении двадцать девятого варианта изложения определений понятия «логистика» в табл.1.1 подраздела 1.1 учебника по коммерческой логистике [1, с. 5-25] представлено следующее утверждение:

«Логистика – процесс планирования реализации, контроля затрат, перемещения и хранения материалов, полуфабрикатов и готовой продукции, а также связанной с ними информации о поставке товаров от места потребления в соответствии с требованиями клиента» [1, с. 6].

Относительно данного утверждения [1, с. 6], содержащего определение логистики, можно и обязательно необходимо зафиксировать недопустимые для учебной литературы высшего и среднего профессионального образования смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, известно, что логистика – это прежде всего вид (функция) хозяйственной деятельности промышленного предприятия, а *планирование* – это начальная основная (общая) функция управления таким предприятием. Поэтому утверждать в учебнике по коммерческой логистике [1, с. 6], что логистика – это лишь «процесс планирования», представляется весьма спорным действием для учебной литературы высшей школы;

- во-вторых, непонятно, почему в данном определении логистики [1, с. 6] авторы учебника [1] говорят лишь о «контроле затрат»? А разве контроль «реализации, перемещения и хранения материалов» в промышленном предприятии не нужен? И по этой причине в формулировке данного определения логистики [1, с. 6] вместо некорректно примененного выражения – «реализации, контроля затрат» – следовало бы употребить достаточно приемлемое для этого случая словосочетание – «и контроля реализации»;

- в-третьих, также широко и давно известно, что основными (общими) функциями управления являются планирование, организация, координация, стимулирование (мотивация) и контроль. Поэтому, с одной стороны, приведенное в данном утверждении [1, с. 6] лишь «планирования» и «контроля» вместо целостного

«управления» представляется весьма сомнительным действием. А, с другой стороны, если уж и упоминать здесь об основных функциях «управления», то наряду с «планированием» и «контролем» следовало бы назвать «организацию», «координацию» и «стимулирование (мотивацию)»;

- в-четвертых, применение в формулировке данного определения логистики выражения – «поставки товаров *от места* потребления» является принципиальной ошибкой в разьяснении сути понятия «логистика». Поэтому вместо этого ошибочного выражения авторам учебника [1] следовало бы употребить достаточно приемлемое словосочетание – «поставки товаров *к месту* потребления» – или лучше «поставки товаров конечному потребителю».

Итак, и здесь налицо – очередные свойственные учебнику [1] противоречия исследовательского и редакционно-смыслового характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [2]).

Противоречие 153. При освещении двадцать девятого варианта изложения определений понятия «логистика» в табл.1.1 подраздела 1.1 учебника по коммерческой логистике [1, с. 5-25] представлено следующее утверждение:

«Логистика – процесс управления производством, движением и хранением материалов, изделий и товаров, а также сопутствующих им информационных потоков посредством организации каналов товародвижения так, что текущие будущие затраты минимизируются при условии высокоэффективного (надежного) выполнения и доставки заказов» [1, с. 6].

Относительно данного утверждения [1, с. 6], содержащего определение логистики, можно и обязательно необходимо зафиксировать недопустимые для учебной литературы высшего и среднего профессионального образования смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, известно, что логистика – это прежде всего вид (функция) хозяйственной деятельности промышленного предприятия. Поэтому утверждать в учебнике по коммерческой логистике [1, с. 6], что логистика – это лишь «процесс управления», представляется весьма спорным действием для учебной литературы высшего профессионального образования;

- во-вторых, если речь в данном утверждении [1, с. 6] идет о сфере логистики промышленного предприятия, то «изделия» входят в товарную (готовую) продукцию, поэтому из него (утверждения) следовало бы изъять выражение – «изделий и» как излишнее (неуместно примененное);

- в-третьих, для дальнейшего семантического исправления словесной конструкции

формулировки данного утверждения [1, с. 6] в нем авторам учебника по коммерческой логистике [1] следовало бы совершить следующие действия: 1) изъять из него лишнее слово «будущие»; 2) вместо неправильного выражения – «сопутствующих им информационных потоков» - употребить достаточно приемлемое для данного утверждения [1, с. 6] словосочетание, например, - «сопутствующими им информационными потоками»;

- в-четвертых, предыдущее определение логистики (см. выше противоречие 152) и рассматриваемое здесь определение логистики [1, с. 6] отнесены авторами учебника [1] к типовым определениям «логистики как процесса», не указав при этом, какого именно процесса. Вместе с тем в табл. 1.1 [1, с. 6] весьма странным образом первое из них, якобы, представлено в «функциональном аспекте логистики», а второе – выражено, якобы, в «управленческом аспекте логистике». На самом же деле первое из них содержит ключевое выражение «логистика – *процесс планирования, контроля*» а второе – также ключевое выражение «логистика – *процесс управления*». И если учесть, что планирование и контроль входят в состав основных (общих) функций управления, то следует признать, что оба указанных определения логистики в той или иной степени основываются на процессе управления. В данном случае налицо - явное противоречие, то есть крайне недопустимая смысловая невязка для учебной литературы высшего и среднего профессионального образования.

Итак, и здесь налицо – очередные свойственные учебнику по коммерческой логистике [1] противоречия исследовательского и редакционно-смыслового характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [2]).

Противоречие 154. При освещении двадцать девятого варианта изложения определений понятия «логистика» в табл.1.1 подраздела 1.1 учебника по коммерческой логистике [1, с. 6] была совершена неудачная попытка идентифицировать « типовые определения логистики». При этом авторы указанного учебника использовали классификацию каких-то объектов и явлений на подобие той, которая была раскрыта в работе [69].

Итак, в табл. 1.1 [68, с. 6] авторами указанного учебника была представлена весьма сомнительная в содержательном плане классификация «типовых определений логистики» по признакам («аспектам логистики»: «функциональный аспект логистики»; «управленческий аспект логистики») и их (признаков) разрядом или классам («логистика как наука»; «логистика как концепция управления объектом»; «логистика как процесс»).

Однако на самом деле приведенные в табл. 1.1 [68, с. 6] формулировки «типовых определений логистики» являются неадекватными сути признаков и их разрядов (классов) данной

классификации. Так, например, первое (см. выше противоречие 148) и второе (см. выше противоречие 148) определения логистики [68, с. 6] отнесены авторами учебника [68] к разряду (классу) «логистики как науки».

Вместе с тем в табл. 1.1 [68, с. 6] весьма странным образом первое из них отнесено, якобы, к признаку «функциональный аспект логистики», а второе, якобы, к признаку «управленческий аспект логистике». Но ведь первое из них содержит ключевое выражение «логистика - наука о... управлении», а второе – также ключевое выражение «логистика – наука об управлении». Так что оба этих определения можно трактовать в управленческом аспекте логистики. И потому здесь налицо - крайне недопустимая смысловая невязка для учебной литературы высшего и среднего профессионального образования. Такие же смысловые невязки обнаружены при сопоставлении (см. выше противоречия 150 и 151, а также противоречия 152 и 153) и других «типовых определений логистики» (табл. 1.1 [68, с. 6]).

Таким образом здесь налицо – очередные свойственные учебнику по коммерческой логистике [68] противоречия исследовательского и редакционно-смыслового характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [14]).

Противоречие 155. При освещении двадцать девятого варианта изложения определений понятия «логистика» в заключительной части («Основные термины, использованные в главе 1») главы 1 учебника по коммерческой логистике [68, с. 45-47] было представлено следующее утверждение:

«Логистика – - концепция прогнозирования, основанная на достижении высокого уровня надежности управления процессами доставки, и поэтому осуществление этой концепции обеспечивает бизнесменам относительную стабильность их деятельности в условиях неопределенности рыночной среды» [68, с. 46].

Относительно данного утверждения [68, с. 46], содержащего определение логистики, можно и необходимо зафиксировать недопустимые для учебной литературы высшего и среднего профессионального образования смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, известно, что логистика - это прежде всего вид (функция) хозяйственной деятельности промышленного предприятия, а *концепция* (система взглядов, то или иное понимание [14,34,53]) прогнозирования как начального из этапов планирования (одной из основных функций управления), используемая таким предприятием. Поэтому утверждать в учебнике по коммерческой логистике [68, с. 46], что логистика - это лишь «концепция прогнозирования», представляется весьма спорным действием для учебной литературы высшей школы;

- во-вторых, также широко и давно известно, что основными (общими) функциями управления являются планирование, организация, координация, стимулирование (мотивация) и контроль. Поэтому, с одной стороны, перечисление в данном утверждении [1, с. 46] в одном ряду равнозначных элементов «прогнозирования» как всего лишь начального из этапов «планирования», и целостного «управления» представляется весьма сомнительным действием. А, с другой стороны, если уж и упоминать здесь об основных функциях «управления», то наряду с «планированием» следовало бы назвать «организацию», «координацию», «стимулирование (мотивацию)» и «контроль»;

- в-третьих, в силу неудачной (неуместной) словесной конструкции формулировки данного утверждения [1, с. 46] следовало бы, в частности, убрать как излишнее (неуместно использованное) выражение – «поэтому осуществление этой концепции обеспечивает», а вместо него применить слово «обеспечивающей»;

Поэтому здесь налицо – очередные свойственные учебнику [1] противоречия

исследовательского и редакционно-смыслового характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [2]).

Литература

1. Аникина Б.А., Тяпухин А.П. Коммерческая логистика: учебник / Под ред.– М.: Проспект, 2023. – 432 с.
2. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Рус. яз., 1998. – 848 с.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2021. – 1360 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО "ИТИ Технологии", 2003. – 944 с.
5. Леонтьев Р.Г., Леонтьева Н.Р. Экономическая теория транспорта: тезаурус и классификации: монография. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2012. – 339 с..

ЧАСТЬ 3. ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ КОММЕРЧЕСКОЙ ЛОГИСТИКИ: УЧЕБНИК ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ ДВАДЦАТОГО ВЕКА (156-161)

Леонтьев Р.Г.

*д-р. экон. наук, профессор, главный научный
сотрудник (Хабаровский федеральный исследовательский
центр ДВО РАН, г. Хабаровск, РФ)*

PART 3. CONTRADICTIONS IN DEFINITIONS COMMERCIAL LOGISTICS: TEXTBOOK OF THE THIRD DECADES OF THE TWENTIETH CENTURY (156-161)

R.G. Leontiev

*doctor of Economics, professor,
chief Researcher (Khabarovsk Federal Research Center of the Eastern Branch of the Russian
Academy of Sciences, Khabarovsk city, Russia)
DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2023.2.96.826*

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ третьей части двадцать девятого варианта определений современной логистики, которые изложены в учебнике по коммерческой логистике начала третьего десятилетия настоящего века. В результате данного анализа зафиксированы недопустимые для учебной литературы противоречия познавательного и редакционного характера.

ANNOTATION

The article presents an analysis the third part of the twenty-ninth version of the definitions of modern logistics, which are set out in the textbook on commercial logistics of the beginning of the third decade of the present century. As a result of this analysis, contradictions of a cognitive and editorial nature that are unacceptable for educational literature are recorded.

Ключевые слова: Коммерческая логистика, современные определения, учебная литература, образовательные и редакционные противоречия.

Key words: Commercial logistics, modern definitions, educational literature, educational and editorial contradictions.

Современные представления о множественных вариантах определений понятия «логистика» и различных родственных ему терминов продолжали излагаться в отечественной научной и учебной литературе, изданной во втором

десятилетии двадцать первого века и которой были свойственны значительные противоречия (антиномии, парадоксы и алогизмы).

Противоречие 156. При освещении двадцать девятого варианта изложения определений понятия

«логистика» в заключительной части («Основные термины, использованные в главе 1») главы 1 учебника по коммерческой логистике [1, с. 45-47] было представлено следующее утверждение:

«Логистика – концепция управления предприятиями, организациями и их объединениями, основанная на рациональном использовании систем концентрации/распределения ресурсов, изготовления и доведения готовой продукции и услуг до конечного потребителя в соответствии с его интересами» [1, с. 46-47].

Относительно данного утверждения [1, с. 46-47], содержащего определение логистики, можно и обязательно необходимо зафиксировать недопустимые для учебной литературы высшего и среднего профессионального образования смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, известно, что логистика - это прежде всего вид (функция) хозяйственной деятельности промышленного предприятия, а *концепция* (система взглядов, то или иное понимание [2-4]) управления таким предприятием. Поэтому утверждать в учебнике по коммерческой логистике [1, с. 6], что логистика - это лишь «концепция управления», представляется весьма спорным действием для учебной литературы высшей школы;

- во-вторых, поскольку организации могут быть объединениями предприятий, то вместо некорректного (неуместно примененного) выражения – «организациями и их объединениями» - авторам учебника [1] следовало бы употребить достаточно приемлемое словосочетание - «и организациями».

Таким образом и здесь налицо – очередные свойственные учебнику по коммерческой логистике [1] противоречия исследовательского и редакционно-смыслового характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [2]).

Противоречие 157. При освещении двадцать девятого варианта изложения определений понятия «логистика» в заключительной части («Основные термины, использованные в главе 1») главы 1 учебника по коммерческой логистике [1, с. 45-47] было представлено следующее утверждение:

«Логистика – наука о планировании, контроле и управлении транспортированием, складированием и другими материальными и нематериальными операциями, совершаемыми в процессе доведения сырья и материалов до производственного предприятия, внутризаводской переработки сырья, материалов и полуфабрикатов, доведения готовой продукции до потребителя в соответствии с интересами и требованиями последнего, а также передачи, хранения и

обработки соответствующей информации» [1, с. 47].

Относительно данного утверждения [1, с. 47], содержащего определение логистики, можно и необходимо зафиксировать недопустимые для учебной литературы высшего и среднего профессионального образования смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, известно, что логистика - это прежде всего вид хозяйственной деятельности (конкретная хозяйственная функция), а логистическая наука – это система знаний о закономерностях развития логистики как вида хозяйственной деятельности. Поэтому сообщать в данном утверждении [1, с. 47], что логистика - это прежде всего только наука, представляется весьма спорным действием для сферы высшей школы;

- во-вторых, также широко и давно известно, что основными (общими) функциями управления (менеджмента) являются планирование, организация, координация, стимулирование (мотивация) и контроль. Поэтому, с одной стороны, перечисление в данном утверждении [1, с. 47] в одном ряду равнозначных элементов «управления» и входящих в него «планирования» и «контроля» представляется весьма сомнительным действием. А, с другой стороны, если уж и упоминать здесь об основных функциях «управления», то наряду с «планированием» и «контролем» следовало бы назвать «организацию», «координацию» и «стимулирование (мотивацию)»;

- в-третьих, поскольку главным предназначением логистики общепризнано управление материальным потоком, то из выражения - «управлении транспортированием, складированием и др. материальными и нематериальными операциями» - следовало бы изъять словосочетание «и нематериальными» как не соответствующее указанному предназначению;

- в-четвертых, во избежание повторного использования общеупотребительного слова «доведения» и более адекватного отражения специфической сути определения логистики в нем следовало бы вместо недостаточно продуманно построенного выражения – «доведения сырья и материалов до производственного предприятия» - употребить какое-то достаточно корректное для данного случая терминологическое словосочетание, например, - «поставки сырья и других материалов промышленному предприятию»;

- в-пятых, вместе с тем известно [3,4], что *предприятие* – это производственное учреждение, завод, фабрика и т. п. (то есть не только «завод»), что *производство* – это изготовление, выработка, создание какой-нибудь продукции (то есть производство - это не только «переработка сырья и материалов», но и сборка, испытания и т. п.). Также известно, что материалы, необходимые для производства продукции, это не только «сырье» и «полуфабрикаты», но и комплектующие изделия,

ГСМ и т. п. Поэтому в представленном в данном утверждении понятийного определении логистики [1, с. 47] следовало бы вместо недостаточно корректного выражения - «внутризаводской переработки сырья, материалов и полуфабрикатов, доведения готовой продукции до потребителя» - употребить приемлемое словосочетание, например, - «использования сырья и других материалов для производства готовой продукции и ее доставки покупателю»;

- в-шестых, давно и широко известно, что передача, хранение и обработка соответствующей информации не являются сугубо специфическими особенностями логистики, а присущи и другим видам (функциям) хозяйственной деятельности (маркетинговой, инновационной, финансовой, производственной, кадровой). Поэтому из рассматриваемого здесь определения логистики [1, с. 47] следовало бы убрать как излишнее выражение – «а также передачи, хранения и обработки соответствующей информации».

Таким образом здесь налицо – с одной стороны, свойственное содержанию учебника [68] явное противоречие фундаментально-исследовательского характера в виде антиномии (противоречие между двумя взаимоисключающими положениями, каждое из которых логически доказуемо [2]), а, с другой - свойственные тому же учебнику [1] противоречия исследовательского и редакционно-смыслового характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [2]).

Противоречие 158. При освещении двадцать девятого варианта изложения определений понятия «логистика» в заключительной части («Основные термины, использованные в главе 1») главы 1 учебника по коммерческой логистике [1, с. 45-47] было представлено следующее утверждение:

«Логистика – наука об управлении процессами концентрации, распределения и движения материальных, сервисных, информационных и финансовых потоков и оптимизации параметров данных потоков в микро- или макроэкономической системе для достижения поставленных перед ней целей» [1, с. 47].

Относительно данного утверждения [1, с. 47], содержащего определение логистики, можно и необходимо зафиксировать недопустимые для учебной литературы высшего и среднего профессионального образования смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, известно, что логистика - это прежде всего вид хозяйственной деятельности (конкретная хозяйственная функция), а логистическая наука – это система знаний о закономерностях развития логистики как вида хозяйственной деятельности. Поэтому сообщать в данном утверждении [1, с. 47], что логистика - это

прежде всего только наука, представляется весьма спорным действием для сферы высшей школы;

- во-вторых, - известно [3,4]: что *поток* – это движущаяся масса чего-нибудь. Также известно, что услуга – это, как говорится, то, что «нельзя уронить на ногу». То есть отнюдь услуга отнюдь не материальна, производится и потребляется в одном и том же месте в одно и тоже время. Более того, известно [2], что *сервис* – это обслуживание. Поэтому безоговорочно сообщать в данном утверждении [1, с. 47] насчет, якобы, «сервисных потоков» представляется весьма сомнительным действием в образовательной сфере высшей школы. И в связи с этим из формулировки данного определения логистики [1, с. 47] следовало бы изъять как неуместно использованное слово - «сервисных»;

- в-третьих, давно и широко известно, что передача, хранение и обработка соответствующей информации и финансов не являются сугубо специфическими особенностями логистики, а присущи и другим видам (функциям) хозяйственной деятельности (маркетинговой, инновационной, производственной, кадровой). Поэтому из рассматриваемого здесь утверждения (определения логистики) [1, с. 47] следовало бы убрать как излишнее (неуместно использованное) выражение – «информационных и финансовых»;

- в-четвертых, в данном утверждении [1, с. 47] вместо неудачной (неуместной) словесной конструкции – «оптимизации параметров данных потоков» - следовало бы употребить выражение – «оптимизации их параметров»;

- в-пятых, известно, что «оптимизация» является составной частью управления как применяемый в нем инструмент (способ, средство). И в связи с этим перечисление в одном ряду равнозначных элементов «управления» и «оптимизации» [1, с. 47]) представляется весьма сомнительным действием. Поэтому в данном утверждении из учебника по коммерческой логистике [1, с. 47] вместо некорректно приведенного выражения - «и оптимизации параметров» - следовало бы употребить какое-то достаточно приемлемое словосочетание, например, «с осуществлением оптимизации»;

Итак, и здесь налицо – очередные свойственные учебнику [1] противоречия исследовательского и редакционно-смыслового характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [2]).

Противоречие 159. При освещении двадцать девятого варианта изложения определений понятия «логистика» в заключительной части («Основные термины, использованные в главе 1») главы 1 учебника по коммерческой логистике [1, с. 45-47] было представлено следующее утверждение:

«Логистика – процесс планирования реализации, контроля затрат, перемещения и хранения материалов, полуфабрикатов и готовой продукции, а также связанной с ними информации

о поставке товаров от места потребления в соответствии с требованиями клиента» [1, с. 47].

Относительно данного утверждения [1, с. 47], содержащего определение логистики, можно и необходимо зафиксировать недопустимые для учебной литературы высшего и среднего профессионального образования смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, известно, что логистика - это прежде всего вид (функция) хозяйственной деятельности промышленного предприятия, а *планирование* – это начальная основная (общая) функция управления таким предприятием. Поэтому утверждать в учебнике по коммерческой логистике [1, с. 47], что логистика - это лишь «процесс планирования», представляется весьма спорным действием для учебной литературы высшей школы;

- во-вторых, непонятно, почему в данном определении логистики [1, с. 47] авторы учебника [1] говорят лишь о «контроле затрат»? А разве контроль «реализации, перемещения и хранения материалов» в промышленном предприятии не нужен? И по этой причине в формулировке данного определения логистики [1, с. 47] вместо некорректно примененного выражения – «реализации, контроля затрат» - следовало бы употребить достаточно приемлемое для этого случая словосочетание – «и контроля реализации»;

- в-третьих, также широко и давно известно, что основными (общими) функциями управления являются планирование, организация, координация, стимулирование (мотивация) и контроль. Поэтому, с одной стороны, приведенное в данном утверждении [1, с. 47] лишь «планирования» и «контроля» вместо целостного «управления» представляется весьма сомнительным действием. А, с другой стороны, если уж и упоминать здесь об основных функциях «управления», то наряду с «планированием» и «контролем» следовало бы назвать «организацию», «координацию» и «стимулирование (мотивацию)»;

- в-четвертых, применение в формулировке данного определения логистики выражения – «поставки товаров *от места* потребления» является принципиальной ошибкой в разъяснении сути понятия «логистика». Поэтому вместо этого ошибочного выражения авторам учебника [1] следовало бы употребить достаточно приемлемое словосочетание - «поставки товаров *к месту* потребления» - или лучше «поставки товаров конечному потребителю».

Поэтому и здесь налицо – очередные свойственные учебнику [1] противоречия исследовательского и редакционно-смыслового характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [2]).

Противоречие 160. При освещении двадцать девятого варианта изложения определений понятия «логистика» в заключительной части («Основные

термины, использованные в главе 1») главы 1 учебника по коммерческой логистике [1, с. 45-47] было представлено следующее утверждение:

«Логистика – процесс управления производством, движением и хранением материалов, изделий и товаров, а также сопутствующих им информационных потоков посредством организации каналов товародвижения так, что текущие будущие затраты минимизируются при условии высокоэффективного (надежного) выполнения и доставки заказов» [1, с. 47].

Относительно данного утверждения [1, с. 47], содержащего определение логистики, можно и необходимо зафиксировать недопустимые для учебной литературы высшего и среднего профессионального образования смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, известно, что логистика - это прежде всего вид (функция) хозяйственной деятельности промышленного предприятия. Поэтому утверждать в учебнике по коммерческой логистике [1, с. 47], что логистика - это лишь «процесс управления», представляется весьма спорным действием для учебной литературы высшего профессионального образования;

- во-вторых, если речь в данном утверждении [1, с. 47] идет о сфере логистики промышленного предприятия, то «изделия» входят в товарную (готовую) продукцию, поэтому из него (утверждения) следовало бы изъять выражение – «изделий и» как излишнее (неуместно примененное);

- в-третьих, для дальнейшего семантического исправления словесной конструкции формулировки данного утверждения [1, с. 47] в нем авторам учебника по коммерческой логистике [1] следовало бы совершить следующие действия: 1) изъять из него лишнее слово «будущие»; 2) вместо неправильного выражения – «сопутствующих им информационных потоков» - употребить достаточно приемлемое для данного утверждения [1, с. 6] словосочетание, например, - «сопутствующими им информационными потоками»;

Таким образом здесь налицо – очередные свойственные учебнику по коммерческой логистике [1] противоречия исследовательского и редакционно-смыслового характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [2]).

Противоречие 161. При освещении двадцать девятого варианта изложения определений понятия «логистика» использовалось содержание учебника [1], в котором на обложке и форзаце [1, с. 1], в библиографических данных, аннотации, издательских выходных сведениях [1, с. 2], названиях главы 1 и ее подраздела 1.1 [1, с. 5] и

оглавлении [1, с. 426-427] сообщается, что оно целиком посвящено «**коммерческой логистике**».

Вместе с тем в табл. 1.8 «Определения основных разделов логистики» [1, с. 41] весьма странном образом утверждается, что, якобы, «**коммерческая логистика**» – это всего лишь один из «**разделов логистики**» и не всей, а только «бизнес-логистики». И потому для читателей учебника по коммерческой логистике [1] («студентов вузов, слушателей учреждений послевузовского образования, руководителей и специалистов» [1, с. 2]) может стать непонятным следующее. Как-так в «коммерческой логистике» одним из восьми ее разделов может стать та же «коммерческая логистика»?

Однако ни авторы учебника по коммерческой логистике [1], ни его рецензенты из МГТУ им. Н.Э. Баумана и ГУУ также весьма странным образом не смогли обнаружить этот недопустимый для учебной литературы высшего и среднего

профессионального образования редакционно-издательский казус.

Итак, здесь налицо - свойственное учебнику по коммерческой логистике [1] противоречие редакционного характера в виде алогизма в его первом значении (нелогичность, несовместимость с требованиями логики [2]).

Литература

1. Аникина Б.А., Тяпухин А.П. Коммерческая логистика: учебник / Под ред. – М.: Проспект, 2023. – 432 с.
2. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Рус. яз., 1998. – 848 с.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2021. – 1360 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО "ИТИ Технологии", 2003. – 944 с.

УДК 81'2

СЕМАНТИЗАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ ПОСРЕДСТВОМ ТЕКСТОВ ПАРЕМИОЛОГИИ

Лесохина А.М.

доцент, канд. пед. наук

*Северо-западный Институт Управления Российской Академии
Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации,
Россия, Санкт-Петербург*

SEMANTIC ADOPTION OF FOREIGN LANGUAGE VOCABULARY THROUGH TEXTS OF SMALL FOLKLORE

A. M. Lesokhina

candidate of pedagogical sciences, associated professor

*North-Western Management Institute of the Russian Academy of national economy and public
administration under the President of the Russian Federation, Russia, Saint Petersburg,*

DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2023.2.96.827

АННОТАЦИЯ

Цели статьи – показать возможности текстов малого фольклора: пословиц, поговорок и загадок в обучении иностранным языкам. Если пословицы и поговорки давно и прочно вошли в теорию и практику обучения иностранным языкам, то загадки пока остаются за пределами внимания специалистов по лингводидактике. Между тем учёные доказали, что загадки являются элементами мифологического, то есть сакрального знания о мире, вследствие чего они лаконичны по форме, просты по содержанию и разнообразны по тематике. Кроме того, загадки, как и другие тексты фольклора, обладают образностью, благодаря чему прочно усваиваются. Преимущество загадок состоит и в том, что они имеют не только обучающую, но и развлекательную функции.

Методология: при проведении исследования были использованы разнообразные методы: изучение и анализ научной и методической литературы, лексикографических источников, анкетирование обучающихся, опрос носителей испанского языка, экспериментальное обучение.

Результаты исследования: исследование показало, что использование текстов паремииологии при обучении иностранным языкам способствует формированию лингвистической и социокультурной компетенций. В ходе апробации предложенной методики было доказано, что элементарная лексика усваивается лучше при помощи загадок, чем посредством словарных дефиниций.

ABSTRACT

The purpose of the article is to show the possibilities of texts of small folklore: proverbs, sayings and riddles in teaching foreign languages. If proverbs and sayings have long and firmly entered the theory and practice of teaching foreign languages, then the mysteries still remain beyond the attention of specialists in linguistic didactics. Meanwhile, scientists have proved that riddles are elements of mythological, that is, sacred knowledge about the world, as a result of which they are concise in form, simple in content and diverse in subject. In addition, riddles, like other texts of folklore, have imagery, thanks to which they are firmly assimilated. The advantage of riddles is

that they have not only educational, but also entertaining functions. Methodology: various methods were used during the study: study and analysis of scientific and methodological literature, lexicographic sources, questionnaires of students, survey of native Spanish speakers, experimental training.

The results of the study: the study showed that the use of small folklore texts in teaching foreign languages contributes to the formation of linguistic and socio-cultural competencies. In the course of the educational experiment, it was proved that the semantic adoption of elementary vocabulary with the help of riddles is more effective than one through dictionary definitions.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, загадки, фольклор, паремиология, семантизация лексики, образность, словарная дефиниция

Keywords: proverbs, sayings, riddles, folklore, semantic adoption of vocabulary, imagery, dictionary definition

Введение

Паремиологический фонд языка является предметом исследования не только в фольклористике, но и в лингвокультурологии, и в лингводидактике, поскольку большинство пословиц – это стереотипы народного сознания. Использование пословиц, поговорок, загадок при обучении иностранным языкам позволяют познакомить учащихся с культурой и бытом народов. При этом фольклорный материал может оказать действенную помощь в формировании лексической компетенции, т.е. развитии таких речевых навыков и умений, как: активизации грамматических конструкций; расширения и усвоения лексического запаса и т.д. [1, с. 23].

Цель исследования:

Цель исследования – показать лингводидактический потенциал паремиологии в обучении иноязычной лексике. В ходе исследования предпринимается попытка доказать, что заложенная в паремиологических текстах, прежде всего в загадках, образность способствует лучшему усвоению иноязычной лексики по сравнению с традиционными способами её семантизации.

Материалы и методы исследования:

Пословицы и поговорки рождаются из народной речи и живут в ней как народные афоризмы. Поговорка – это «распространенное меткое, образное выражение, не являющееся, в отличие от пословицы, цельной фразой, предложением» [10, с. 29]. Пословица – это краткое образное законченное изречение, обычно ритмичное по форме, с назидательным смыслом. Пословицы и поговорки народов мира имеют много общего, но наряду с этим существуют и специфические особенности, характеризующие колорит самобытной культуры определенного народа, его историю. Тематика пословиц и поговорок достаточно обширна. Пословицы и поговорки отражают жизнь и мировоззрение народа во всем многообразии и передают бытовые, социальные, философские, религиозные, морально-этические и эстетические взгляды. При разграничении пословиц и поговорок следует учитывать их общие признаки, а также признаки, дифференцирующие их. Общими признаками пословиц и поговорок являются: краткость/лаконичность, устойчивость, широкое использование в речи [10, с. 29].

В качестве дифференцированных признаков, которые разграничивают пословицы и поговорки следует назвать в первую очередь обобщающий характер содержания пословиц и их поучительный, назидательный характер:

Cada oveja con su pareja – всякая овца знай своё стадо, Calumnia, calumnia, que algo quedará – Клевета что уголь: если не обожжёт, так замарает [4, с. 153].

Поговорки используются, как правило, для образно-эмоциональной характеристики людей, их поведения: esperar a que luevan habas – ждать у моря погоды; hacer de tripas corazón – делать хорошую мину при плохой игре.

На протяжении многих лет в Испании большое значение придавалось сбору пословиц и поговорок. Авторитетным источником в данной области считаются труды профессора университета Саламанки Гонсало Корреаса “Vocabulario de refranes y frases proverbiales” (1627) и Arte de la lengua española castellana (1626) [6, с. 229].

Многие испанские пословицы и поговорки обязаны своим происхождением историческим деятелям и событиям. Так, например, пословица “Manos blancas no ofenden” подразумевает то, что обида не производит должного эффекта на обиженного из-за личности обидчика. Эту фразу приписывают дону Франсиско Тадео де Каломарде (1773-1842), министру юстиции короля Фернандо VII. Находясь на этом посту, Каломарде беспощадно преследовал либеральную партию. Вследствие этого инфанта Луиза-Шарлотта, невестка короля, дала ему пощечину на глазах у всего двора. Министр ответил фразой, ставшей знаменитой: «Белые ручки не обижают.» Следствием этих событий стала карлистская война.

Испанская паремиология представляет ценный материал для лингвокультурологов благодаря своей национальной специфике.

Исследование испанской и русской паремиологии на тему «любовь» выявило национальную специфику данного концепта в испанском языке.

Так типичным для испанского языка является представление о любви как об умственном расстройстве (De enamorado a loco va muy poco - Влюблённый – что умалишённый; Los amores tienen eso: que sorben el seso - Любовь лишает разума; Los amores vuelven tontos o locos a los hombres - Любовь делает людей глупыми или ненормальными; Tanto

uno se desbarata cuanto más ama -Чем сильнее любовь, тем больше с ума сходишь) [3, с. 64].

Перечисленные свойства паремиологии: лаконичность, разнообразная тематика, национальная специфика способствуют тому, что малые фольклорные тексты успешно используются в методике преподавания иностранного языка.

Пословицы и поговорки развивают творческую инициативу, обогащают словарный запас учащихся, помогают усвоить строй языка, развивают память и эмоциональную выразительность речи [9, с. 128].

Методика использования фольклора при формировании лексической компетенции студентов предполагает, как правило, следующие этапы:

познавательный этап (направлен на освоение студентом теоретических знаний, связанных с иноязычной лексикой и обогащение ею его активного словаря; формирование навыков использования новых языковых явлений и умения находить их в иноязычном фольклоре);

репродуктивный этап (связан с развитием у студента умений понимать и соотносить иноязычный фольклорный текст с родной культурой, расширяя, тем самым, свою социокультурную компетенцию);

творческий этап (связан с развитием умения интерпретировать иноязычную информацию из неадаптированного фольклорного текста в рамках использования новой лексики на практике).

Наиболее распространёнными заданиями при работе с пословицами и поговорками являются следующие:

- 1) закончите пословицу;
- 2) расставьте слова из пословицы по порядку;
- 3) соедините части пословицы;
- 4) расскажите, в какой ситуации можно употребить пословицу;
- 5) выскажите свое мнение о пословице (поговорке);
- 6) объясните значение слов-реалий из пословицы или поговорки (если есть);
- 7) объясните исторический контекст возникновения пословицы (если есть);
- 8) сравните иностранные и русские пословицы на одну тему.

При выполнении последнего задания важно обратить внимание обучающихся на метафоры, с помощью которых один и тот же смысл пословицы или поговорки передаётся разными языковыми средствами, т. к. с ними связаны разные образы сознания носителя иностранного и русского языка.

При сравнении русских и иноязычных пословиц, студенты неминуемо сталкиваются с таким стилистическим свойством малого фольклора как образность.

В лингвистическом плане образность – это языковое средство воплощения какого-то абстрактного понятия в конкретных предметах, явлениях, процессах действительности и, наоборот, каких-то конкретных предметов или понятий в абстрактных или других конкретных понятиях.

Образность – это реальное свойство языковых единиц, проявляющееся в способности вызывать в человеческом сознании «картинки». Любая форма образности, как речевой, так и языковой, содержит в своей логической структуре три компонента: 1) референт, коррелирующий с гносеологическим понятием предмета отражения; 2) агент, т. е. предмет в отраженном виде; 3) основание, т. е. общие свойства предмета и его отражения, обязательное наличие которых вытекает из принципа подобия. Языковым образным средством, в котором три перечисленных компонента представлены эксплицитно, является сравнение.

Образность, свойственная пословицам и поговоркам, присуща и загадкам – пока малоизученному в лингводидактике фольклорному жанру.

Загадка – это иносказательное изображение предмета или явления, которое предлагается отгадать. [5, с. 244]

Исторически загадки восходят к глубокой древности и связаны с мифологией. Главное различие между мифологией и фольклором состоит в том, что мифология – это священное знание о мире и предмет веры, а фольклор – это искусство, т. е. художественно-эстетическое отображение мира [7, с. 360]. Культурологические исследования показали, что древнейшие загадки составляли словесный ритуал.

В скандинавском эпосе «Эдда» есть песня о состязании в мудрости между верховным богом Один и великаном Вафтрудниром. Песня эта состоит из вопросов (загадок) и ответов, касающихся возникновения мира, его устройства и грядущей гибели [5, с. 245].

В некоторых этносах загадки вошли в обряд испытания зрелости человека, проверку его мудрости. Со временем загадки утрачивали сакральную ценность, но еще долго сохраняли повествовательное значение. Свод (корпус) загадок был компонентом картины мира социума – автора мифологии и фольклора.

В наше время загадки – это развлечение, не утратившее своей обучающей функции. Они развивают образное мышление, помогают вскрывать связи вещей и явлений, упражняют в понимании переносных смыслов, иносказательных выражений, перифраз. В загадке предмет загадывания обычно заменяется другим, который описывается. По мнению Аристотеля, загадка – хорошо сформулированная метафора. Предмет замещения подбирается по тем признакам, который хотят выделить в предмете загадывания. Основным является следующий способ создания загадки: указывается на свойства предмета загадывания, его функцию, способ изготовления, внешний вид – с замещением этого явления или предмета другим.

Испанские загадки описывают в основном явления природы, животный и растительный мир, например, улитку: *Tamaño como una nuez, sube al monte y no tiene pies (caracol)*, но также могут оперировать абстрактными понятиями, например,

oscuridad – темнота: Que cosa es que mientras más grande menos se ve [2, с.44-47].

На основе вышеизложенного выдвинута гипотеза о том, что загадки могут быть использованы для семантизации лексических единиц наряду со словарными дефинициями, т. е. традиционным способом семантизации иноязычной лексики [8, с. 193]. Их образная составляющая должна способствовать запоминанию лексических единиц, которые являются предметом загадывания.

Методами исследования являются:

1) изучение научной и методической литературы по лингвистике, фольклористике, лингвокультурологии и методике обучения иностранным языкам;

2) анализ учебных пособий, словарей и обучающих сайтов Интернета, содержащих загадки на испанском языке;

3) анкетирование студентов;

4) опрос носителей испанского языка;

5) экспериментальное обучение.

Результаты и их обсуждение:

С целью проверить выдвинутую гипотезу в марте-апреле 2021 года была проведена апробация предлагаемой методики среди 20 обучающихся СЗИУ РАНХиГС факультета социальных технологий направления «Журналистика». Во время её проведения испытуемые обучались второй семестр испанскому языку как второму иностранному языку. Контрольной группе в составе 10 студентов было предложено перевести словарные дефиниции 6 испанских слов, входящих в лексический минимум и определить о каких словах идет речь : (viento-ветер, gato-кошка, loro-попугай, buho-сова, caballito del mar-морской конёк, ratón-мышь).

Экспериментальной группе в составе также 10 студентов было предложено перевести 6 испанских загадок, предметом загадывания которых являются те же 6 слов и определить эти слова.

Ниже приводятся задания обеим группам, словарные дефиниции и загадки с переводом:

Группа 1- словарные определения – перевести и отгадать, о чем (ком) идет речь

Ave rapaz nocturna de vuelo silencioso, garras fuertes, cabeza de gran tamaño, pico ganchudo y ojos grandes y redondos de color naranja.

Хищная ночная птица, летающая беззвучно, с сильными когтями, большой головой, загнутым клювом, большими круглыми глазами оранжевого цвета. (сова)

Pez marino que nada en posición vertical y tiene la cabeza semejante a la del caballo.

Морская рыба, которая плавает в вертикальном положении и имеет голову, напоминающую лошадь. (морской конёк)

Ave tropical con el pico fuerte y plumaje de colores vistosos, que aprende a repetir palabras y frases.

Тропическая птица, имеющая сильный клюв и яркое оперение, способна научиться повторять слова и фразы. (попугай)

Mamífero felino, doméstico, de cabeza redonda y pelaje espeso y suave.

Млекопитающее семейства кошачьих, домашнее, имеет круглую голову и густую и мягкую шерсть. (кошка)

Mamífero roedor más pequeño que la rata, de pelaje gris o blanco, muy fecundo y ágil.

Млекопитающее семейства грызунов, меньше, чем крыса, с серой или белой шерстью, очень плодовитое и ловкое. (мышь)

Aire en movimiento.

Воздух в движении (ветер)

Группа 2 -загадки– перевести и отгадать, о чем (ком) идет речь

No lo parezco y soy pez, y mi forma la refleja una pieza de ajedrez.

Я рыба, хотя не похожа на неё, мои очертания напоминают шахматную фигуру. (морской конёк)

Vuela sin alas,

Silba sin boca,

Azota sin manos,

Y tú no lo ves, ni lo tocas.

Летает без крыльев,

Свистит безо рта,

Бьёт без рук,

И ты его не видишь и не ощущаешь. (ветер)

De colores muy galano, soy bruto y no lo parezco; perpetua prisión padezco, uso de lenguaje humano, si bien de razón carezco.

У меня красивая расцветка, я грубый, хотя и не кажусь таким, страдаю от постоянного заточения, пользуюсь человеческой речью, хотя не особенно умён. (попугай)

El roer es mi trabajo, el queso mi aperitivo y el gato ha sido siempre mi más temido enemigo.

Грызть – моя работа, сыр – моя закуска, а кот всегда был моим злейшим врагом. (мышь)

Sal al campo por las noches si me quieres conocer, soy señor de grandes ojos, cara seria y gran saber. ¿Quién soy?

Выйди в поле ночью, если хочешь меня узнать, у меня большие глаза, серьёзный взгляд и глубокий ум. Кто я? (сова)

Astuto y juguetón y cazar un ratón es mi mayor afición.

Хитрый и игривый, охота на мышей – моё самое большое хобби. (кошка)

По прошествии определённого временного промежутка (7 дней) преподаватель проверил адекватность перевода словарных дефиниций и загадок и правильность выбора лексических единиц в контрольной и экспериментальной группах. Затем ещё через такой же временной интервал преподаватель проверил степень усвоения лексических единиц в обеих группах, попросив каждого из 20 испытуемых назвать по-испански одно из 6 семантизированных слов, при этом студенты не имели возможность слышать ответы друг друга.

В результате эксперимента из 10 студентов, запоминавших слово по словарной дефиниции, смогли назвать его по-испански 9, а из 10

обучающихся, запомиравших слово с помощью загадки, смогли назвать его 10.

Выводы:

Таким образом, апробация показала, что студенты, обучавшиеся с применением загадок, проявили большую заинтересованность и на 10 % лучше усвоили слова, чем обучающиеся, которые усваивали слова при помощи словарных дефиниций, т. е. традиционным способом.

В целом по результатам исследования можно сделать вывод, что тексты малого фольклора представляют ценный лингводидактический материал, т. к. они:

1) благодаря национальной специфике вызывают интерес и способствуют мотивации к изучению иностранного языка;

2) стимулируют образное мышление и речевые умения обучающихся;

3) способствуют запоминанию незнакомых лексем

Список литературы

1. Асмоловская М.В., Валеев А.А. Использование фольклора при формировании лексической компетенции студентов вуза// Казанский лингвистический журнал 2018, Т. 1, №1(1). С. 21-26.

2. Видел я, как мышка сеет. Испанский детский фольклор. Сост. В. Багно. Детгиз, 2011. 57 с.

3. Воркачев С. Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремииологии //Филологические науки 1995 №3 С. 56-66.

4. Киселев А. В. Испанские пословицы и поговорки и их русские аналоги СПб.: КАРО, 2007. 256 с.

5. Костюхин Е. А. Лекции по русскому фольклору: Учебное пособие. 3-е изд. стер. СПб.: Издательство Лань; Издательство Планета музыки, 2017. 336 с.

6. Литвинова Л. В. Фразеологический фонд испанского языка как источник культурологической информации// Материалы Седьмой межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания», г. Санкт-Петербург, СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) 17-18 апреля 2018 года, С. 229-234.

7. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций: Учеб. Пособие для студ. Филол., лингв. И переводовед. Фак. Высш. Учеб. Заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 432 с.

8. Пирогова Н. Г. Анализ подходов к обучению иноязычной лексике в классической и современной методической литературе// Проблемы современного образования №6, 2019, С. 189-200.

9. Плотникова А. М., Григорьева Е. Г. Пословицы и поговорки как полифункциональное методическое средство в обучении иностранному языку// Современные методы и технологии обучения иностранным языкам Чебоксары: Чуваш. Гос. пед. ун-т, 2010, С. 128-130.

10. Трубицина О. И. Использование афоризмов, пословиц и поговорок для формирования речевой компетенции учащихся на уроках иностранного языка// Формирование коммуникативной компетентности школьников. Коллективная монография под общей ред. Андреевой Н.Д. СПб.: «Свое изд-во», 2013, С. 21-34.

УДК 1751

ФОНЕТИЧЕСКИЕ, ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОКАНДСКОГО ДИАЛЕКТА УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Маишраббекова А.М.

Университет иностранных языков Ханкук, Республика Корея, 17035, Кёнги-до, г. Ёнгин, Чоингу, ул. Оэдеро, 81

PHONETIC AND LEXICAL-SEMANTIC FEATURES OF THE KOKAND DIALECT OF THE UZBEK LANGUAGE

A.M. Mashrabbekova

Hankuk University of Foreign Studies, 81, Oedae-ro, Mohyeon-myeon, Choin-gu, Yongin, Gyeonggi-do, Korea, 17035

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена описанию фонетических, лексических, семантических, морфологических и грамматических особенностей кокандского диалекта. Данные особенности, свойственные кокандскому диалекту, являются внутренними факторами развития узбекского языка и требуют проведения дополнительных исследований. Фонетической особенностью данного диалекта является наличие в нем отсутствующих в литературном языке или по различным причинам не принятых в литературный язык гласных и согласных фонем, а также вероятности фонетических изменений, связанных с изменением, выпадением звуков в повседневной речи. Сингармонизм — созвучность и согласованность фонем, существующий в узбекском языке с древних времен, объясняется на примере слов кокандского

диалекта, таких как *bälä, änä*. Сохранение сингармонизма в диалекте объясняется тем, что арабские и персидские заимствования не смогли повлиять на диалекты. Лексическое своеобразие проявляется наличием множества профессиональных слов, а также слов, которых не существует в литературном языке, и это лексическое богатство может быть использовано для обогащения узбекского литературного языка. В статье исследуется возникновение новых значений в семантике слов кокандского диалекта, расширение значения, сужение значения и этнографизмы. Появление слов, которых не существует в литературном языке или которые имеют иное значение, чем в литературном языке, стало следствием образа жизни и мировосприятия кокандцев. Продвигается идея о том, что присущие кокандскому диалекту морфологические и синтаксические особенности не являются нарушением норм литературного языка, а особенностью формирования лингвокультуры кокандцев.

ABSTRACT

This article is devoted to the description of phonetic, lexical, semantic, morphological, and grammatical features of the Kokand dialect. These features, characteristic of the Kokand dialect, are internal factors in the development of the Uzbek language and require additional research. The phonetic feature of this dialect is the presence of vowels and consonant phonemes that are absent from the literary language or, for various reasons, not accepted into the literary language, as well as the likelihood of phonetic changes associated with changes and loss of sounds in everyday speech. Synharmonism - consonance and consistency of phonemes, which has existed in the Uzbek language since ancient times, is explained using the example of words of the Kokand dialect, such as *bälä, äpä*. The preservation of synharmonism in the dialect is explained by the fact that Arabic and Persian borrowings could not influence the dialects. Lexical originality is manifested by the presence of many professional words, as well as words that do not exist in the literary language, and this lexical wealth can be used to enrich the Uzbek literary language. The article examines the emergence of new meanings in the semantics of words in the Kokand dialect, the expansion of meaning, the narrowing of meaning, and ethnographisms. The appearance of words that do not exist in the literary language or that have a different meaning than in the literary language was a consequence of the lifestyle and worldview of the Kokand people. The idea is being promoted that the morphological and syntactic features inherent in the Kokand dialect are not a violation of the norms of the literary language, but a feature of the formation of the linguistic culture of the Kokand people.

Ключевые слова: узбекский язык, литературный язык, диалект, внутренний источник, фонетические, лексические, семантические, морфологические и синтаксические особенности.

Keywords: Uzbek language, literary language, dialect, internal source, phonetic, lexical, semantic, morphological and syntactic features.

Изучение кокандского диалекта узбекского языка. Диалект - это "часть, группа местного наречия, имеющая фонетическое, лексическое, грамматическое единство" [11, 130], является внутренним источником развития языка. Каждый литературный язык обогащается и развивается за счет диалектов. По сути дела, само понятие "литературный язык" в некоторой степени относительно, то есть, литературный язык формируется на базе одного или нескольких диалектов определенных регионов, впоследствии другие диалекты также могут стать источником обогащения литературного языка. В этом смысле узбекский национальный литературный язык в морфологическом отношении основан на ферганском диалекте, а в фонетическом отношении — на ташкентском. Самаркандский, бухарский, андижанский и другие диалекты и наречия узбекского языка в лексико-грамматическом отношении также являлись источником обогащения узбекского языка [7, 4].

Кокандский диалект, который является неотъемлемой частью ферганского диалекта, частично изучался и в узбекской лингвистике советского периода. В частности, С.Иброхимов, Ш.Носиров и О.Туракулов посвятили свои исследования изучению лингвистических особенностей диалекта этого города [3; 8]. Однако, в лексическом слое кокандского диалекта наряду с исконно узбекскими словами весьма часто встречаются и слова таджикского происхождения,

а в вышеуказанных исследованиях слова таджикского слоя недостаточно хорошо изучены. Это связано с тем, что изначально большинство кокандских ремесленников были представителями таджикского народа.

В кандидатской диссертации узбекского лингвиста С.Ибрагимова были исследованы такие применяемые в Коканде профессиональные термины как "дегрэзлик" (отлив котлов), "рихтагарлик" (литейное дело), "тунукасозлик" (занятие жестянщика), "темирчилик" (кузнечное ремесло), "пичоқчилик" (профессия ножовщика), "тақачилик" (занятие подковщика), "кулфосозлик" (замочное дело), "мисгарлик" (занятие медника), "наққошлик" (занятие разрисовщика), "заргарлик" (занятие ювелира) и другие подобные термины. Термины, применяемые в этой сфере, записаны со слов кокандских ремесленников. Например, ученый указывает, что на языке кокандских котельников слово *ёндукон* означает "печь для плавки чугуна" [3, 41], слово *бурун* — "инструмент печи для плавки чугуна" [3, 37], а слово *ангара* на языке медников — "недоделанный медный сосуд" [3, 220], слово *байза* на языке ножовщиков — "вид стали, из которой делают нож с острой рукоятью" [3, 225], слово *баркаш* на языке медников — "большое медное блюдо" [3, 227], слово *бомба* на языке тележников — "гвоздь, используемый при изготовлении телеги" [3, 238], слова *тақақ, сийирма, косалик* на языке замочников — "запорные механизмы" [3, 294, 344, 355].

В кандидатской диссертации О.Туракулова изучены лексические особенности диалектов кокандской группы. Известно, что диалекты кокандской группы разнообразны и охватывают диалекты Учкуприкского, Дангаринского, Узбеккистанского, Фуркатского и Бувайдинского районов, прилегающих к городу Коканду. Каждый из этих районов далее подразделяется на диалектные подгруппы, что указывает на то, что в своей диссертации О. Туракулов попытался охватить диалекты обширной территории. Попытка охватить в кандидатской диссертации диалекты столь обширного региона, как правило, себя не оправдала. Потому что, диалект каждого района, который относится к кокандской группе диалектов, разнообразен, то есть говор каждого села в районе по лексическим особенностям отличается от говора другого села. Но в большинстве случаев фонетические особенности являются общими для всего района. Интересно, что в диссертации О. Туракулова основным объектом исследования были не фонетические, а лексические особенности и ввиду большого объема исследования лексическое богатство многих регионов осталось неизученным.

Однако, в отобранных лексических материалах были подробно изучены такие явления, как расширение значения, сужение значения, противоречие с литературным значением, омонимия и синонимия. Например, в диссертации говорится, что слово *даққоқ*, обозначающее в литературном языке "внимательный, придирчивый", "проницательный", "сообразительный", в кокандском диалекте употребляется в таких смыслах, как "нахал", "бестыжий", "фривольный" [8, 61]. Таким образом, в кокандском диалекте и литературном языке значения слов не только различаются, но и противоречат друг другу с точки зрения положительных и отрицательных оценок.

Фонетические особенности кокандского диалекта. Закон сингармонизма не полностью действует в современном узбекском литературном языке, поэтому в лингвистических источниках подчеркивается, что современный узбекский язык основан на нарушенном законе сингармонизма. Это связано с заимствованием слов из арабского и таджикского языков в узбекский язык. Нарушение сингармонизма проявляется в гармоничности гласных и согласных звуков в переднем и заднем слогах, а также в том, что не сохранилась гармония между губами и небом. К примеру, в период, когда в узбекском языке действовал закон сингармонизма, современные слова, такие как *ота*, *она*, *бобо*, произносились как *āta*, *āna*, *bāba* соответственно, благодаря чему становится ясно, что гласный звук *a* в начале слова и гласный *a* в конце слова созвучны и гармоничны друг с другом. Хотя заимствование слов из арабского и таджикского языков повлияло на узбекский литературный язык, оно не полностью вытеснило сингармонизм из диалектов. Например, такие слова в современном узбекском литературном языке как

бола, *олма*, *она* в соответствии с законами сингармонизма произносятся на кокандском диалекте как *bāla*, *ālma*, *āna*.

В современном узбекском литературном языке всего 30 звуков, 6 из которых гласные: и, э, а, у, ў, о [6, 12]. Эти 6 гласных не полностью отражают тюркский вокализм, в том числе систему узбекских гласных, так как количество гласных в вокализме узбекского языка превышает 6. Введение кириллицы в Узбекистане (Казахстане, Киргизии, Туркменистане, Таджикистане, Якутии, Башкортостане и в других республиках, входящих в состав СССР) в 1935-1940 годах по «совету» официальной Москвы привело к тому, что звуки тюркских языков, в том числе узбекского, не нашли своего полного отражения в алфавите, а некогда отдельные гласные были объединены в качестве различных вариантов произношения одной и той же буквы. В староузбекском языке (употреблявшимся в XIV – XIX вв) гласных звуков было больше. И даже в настоящее время в кокандском диалекте имеется 9 гласных звуков. К ним относятся следующие фонемы: **и** (*иккь*, *ичкарь*, *ичэк*, *илик*), **ь** (*сьра*, *бьлэн*, *бьльм*, *кьр*, *кьрпль*, *кьргьч*), **э** (*экэ*, *дэдэ*, *элдэмэ*, *мэлдэ*), **ä** (*äпэ*, *äлмэ*, *бäдрьнг*, *бäттэ*), **о** (*от*, *от*, *котэр*, *кокэт*), **ө** (*өктэм*, *өрдэк*, *бөл* – “дели”, *бөкэ* – “насекомое”), кроме того, **э** (*эрт*, *эркэ*, *бэс*, *бэш*), **и** (*узум*, *курэк*, *кутъл*), **е** (*екьн*, *ертэк*, *кет*, *кел*). Буквы, принятые для 6 согласных звуков в современном узбекском литературном языке, используются для письменного выражения этих 9 гласных фонем. Данные 9 фонем до сих пор существуют в кокандском диалекте и употребляются в немалом количестве слов.

Консонантизм — система согласных звуков кокандского диалекта также немного отличается от консонантизма современного узбекского языка. Некоторые согласные звуки этого диалекта не были приняты в современный узбекский литературный язык в качестве отдельной фонемы. Например, в кокандском диалекте такие слова, как **онгъб** кетдъ (в литературном языке — *ўнгиб кетди*), **онгъдъ** (литературном языке — *ўнгидъ*), **тонгъдъ** (в литературном языке — *тўнгиди*) имеют носовой согласный, выраженный буквосочетанием **нг**. Несмотря на то, что в литературном языке есть слова, в которых встречается та же самая фонема (*зингиллаганча*, *мингилламоқ*, *дангиллама*, *шўнгиди* и т.д.), по какой-то неизвестной причине, не была принята отдельная буква для обозначения данного звука. В литературе по диалектологии этот носовой согласный обозначается графемами **н^г**, **ң** [3, 15]. Происхождение этой фонемы в кокандском диалекте, вероятно, связано с длительным правлением в Кокандском ханстве династии кыпчакских ханов — мангитов, поскольку фонема *нг* была свойственна представителям этой династии.

Остальные согласные фонемы кокандского диалекта в точности соответствуют согласным фонемам литературного языка.

Фонетические изменения в кокандском диалекте. В произношении гласных и согласных имеется ряд фонетических изменений, отличающихся от литературного языка [9, 38], что является специфической особенностью кокандского диалекта. К ним относятся фонетические изменения, такие как изменение звука, прибавление звука, выпадение звука и метатеза.

1. Уподобление одного звука стоящему рядом звуку в потоке речи — часто наблюдаемое фонетическое явление, которое также встречается в литературном языке. В кокандском диалекте такое изменение звуков происходит в начале, в середине и в конце слова.

В начале слова:

а) *ф* меняется на *п*: *фол* – *пол*, *фолчи* – *полчи*, *фалокат* – *палакат*, *феъл* – *пел*, *фуфайка* – *пупайка*, *Фазлиддин* – *Пазлиддин*, *Фарида* – *Парида*;

б) *ж* меняется на *ч* (встречается в основном в речи пожилых людей): *жўжа* – *чўжа*, *жўмрак* – *чўмрак*.

В середине слова (встречается чаще всего):

а) *а* меняется на *о*: *баҳор* – *боҳор*, *наҳор* – *ноҳор*, *баҳона* – *боҳона*, *катта* – *котта*, *тикан* – *тикон*, *жавон* – *жовон*, *жаҳон* – *жоҳон*;

б) *а* меняется на *е*: *ўзбек* – *ўзей*, *юррак* – *юррей*, *керак* – *керей*, *тилак* – *тилей*, *терак* – *терей*, *курак* – *куррей*, *кўкрак* – *кўкрей*, *кўсак* – *кўсей*;

в) *о* меняется на *а*: *бок* – *бак*, *чок* – *чак*, *кўчқор* – *кўчқар*, *бодроқ* – *бадрақ*, *куроқ* – *курақ*, *чумоли* – *чумали*;

г) *у* меняется на *и*: *узун* – *узин*, *қуруқ* – *қурик*, *қурут* – *қурит*, *чумчуқ* – *чимчиқ*, *тумишук* – *тумишиқ*, *мушкул* – *мушкил*, *уруғ* – *уриг*;

д) *ф* меняется на *п*: *афанди* – *апанди*, *афирист* – *апирист*, *ҳафта* – *хапта*, *ҳафтияк* – *хаптияк*, *хафа* – *хапа*, *ифтор* – *иптор*, *Рафқон* – *Рапқон*;

е) *з* меняется на *с*: *изтироб* – *истироб*, *мазкур* – *маскур*, *тазқира* – *тасқира*, *изсиз* – *иссиз*, *тузсиз* – *туссиз* каби.

В целом, такие случаи, как прибавление звука, выпадение звука, в кокандском диалекте встречаются довольно часто.

Кроме того, заднеязычная согласная фонема *х* в произношении не отличается от гортанного согласного *ҳ*: *ҳозир* – *хозир*, *ҳунар* – *хунар*, *ҳаракат* – *харакат*, *баҳс* – *бахс*, *аҳвол* – *ахвол*, *аҳил* – *ахил*, *мустаҳкам* – *мустахам*.

Твердый знак, употребляющийся после гласного для его растягивания и употребляющийся после согласного для его отделения от следующего гласного, также не произносится в устной речи: *феъл* – *фел*, *шеър* – *шер*, *баъзан* – *базан*, *саъва* – *сава*, *журъат* – *журат*, *қатъи назар* – *қатий назар*, *қатъий* – *қаттий*.

Лексико-семантические особенности кокандского диалекта. Под лексико-семантическими особенностями лингвистической единицы понимается конкретная языковая единица и ее семантический аспект [4, 77]. Исходя из этого, мы тоже будем исследовать характерные для кокандского диалекта слова и выражения, которые

не встречаются в литературном языке, и их семантику. Вначале рассмотрим лексические особенности. Этот диалект имеет оригинальные слова и выражения, относящиеся к разным частям речи. Например, *элчън* – канава, идущая через стену или изгородь к приусадебному участку, *жумҳишмъ* – вечер накануне пятницы, вечер четверга, *эрдъқ* – **воскресенье, выходной день**, *карәндә*, *кәттәзәнг*, – высокомерный, *кәттәгәп* – тот, который хвастается, что все умеет, но не умеет ничего, *эрзумәндәбомәк* – **очень сильно, страстно хотеть чего-либо**, *сыйкәнтърмәк* – надуть кого-либо, выудить деньги, *тушърмәк* – присвоить чужое имущество путем обмана, выманить деньги.

Согласно О. Туракулову, "в исследуемых диалектах для обозначения "снега в виде сечки" кроме *шърғоқ* используются также такие лексемы, как *шувәт*, *әқиәқ*. Среди них *шърғәк* используется в более широком смысле и централизует значения других слов. Уместно будет сказать, что принятие в литературный язык слова *шърғәк* для обозначения "снега в виде сечки" будет целесообразным" [8, 63]. Мы также согласимся с тем, что предложение исследователя в отношении слова *шърғәк* уместно, так как в современном узбекском литературном языке нет слова, обозначающего снег в виде битых зерен риса, кроме того, данное слово имеет более широкую сферу применения, чем его синоним *шувәт*. Более того, в качестве синонима к слову в литературном языке *енұхатишұрак* применяются также и такие слова, как *гәрмәшорәк*, *нәхът*.

Среди слов, характерных для кокандского диалекта, есть названия обрядов и обычаяев, связанных с повседневной жизнью жителей региона, что также придает уникальность изучаемой лексики диалекта. Данные слова, называемые этнографизмами, включают в себя также и такие слова, как *шәпәйшәнбъ* — поминальное угощение для 5-6 человек, которое проводится каждый четверг в доме умершего", *сәвзәрчәр*, *мәсләхәтәш* – церемония, которая проводится накануне свадьбы по случаю обрезания, где собираются родственники и соседи для чистки и нарезки моркови для утреннего плова и согласования процесса его проведения, *юзочтъ*, *куёвчъқдъ*, *учкунлък* — церемония с участием женщин в доме молодого мужа через три дня после свадьбы, *чәқъръндъ* — прием, на которое через определенное время после свадьбы родственники невестки приглашает 10-15 гостей со стороны молодого мужа, *мушкулкъшист* – обряд, посвященный Биби Фатиме, где участвуют женщины и духовное лиц, *сурпаочтъ* – женский обряд, который проводится накануне свадьбы с участием духовного лица, *мәрәкә* — траурное застолье, проводимое в доме умершего в течение трех-семи дней, *чәчалә* – небольшой обряд, посвященный первым шагам ребенка, во время которого соседских детей осыпают сладостями и сухофруктами, *чълләгърәзән* — церемония по случаю пребывания невестки с новорожденным ребенком в родительском доме.

Семантические особенности слов кокандского диалекта проявляются тогда, когда они подвергаются такому явлению, как расширение или сужение значения, по сравнению с их литературным вариантом, некоторые слова приобретают противоположное литературному варианту значение.

В кокандском диалекте, в отличие от литературного языка, слов с расширенным значением немало. Например, слово *саргардон* в кокандском диалекте, также как и в литературном языке, используется в значении «блуждающий, скитающийся», но данное слово в кокандском диалекте используется также и в значении «подношение певцам и танцорам», которое не имеется в литературном языке. Или же слово *бачки* в литературном языке обозначает «лишний боковой побег кукурузы», а в кокандском диалекте данное слово, наряду с этим значением, используется также и в значении «деревянный остов, используемый в строительстве домов» [7, 64]. Следовательно, вышеуказанные слова в диалекте обогатились новыми значениями и приобрели многозначность.

Если общелитературное слово *хомак* согласно «Толковому словарю узбекского языка» обозначает «недозревшие арбузы или дыни» [10, 408], в кокандском диалекте произносится как *хамак* и употребляется только в значении «недозревшая дыня». Например: «*Хэмактэн узэл чькът. Хэмэк жьгэр кэсэлга дэрыйкэн*» (Сорвал с грядки незрелую дыню. Она полезна для печени.) [8, 65]. Следовательно, можно прийти к выводу, что в кокандском диалекте смысловый объем слова *хомак* сужается.

Узбекский лингвист Ё.Одилов говорит, что употребление одного и того же слова в противоположном значении в литературном языке и в диалектах связано с лингвокультурой, где определенное слово приобрело противоположное своему варианту в литературном языке значение вследствие формирования у носителей языка вековых этико-эстетических взглядов и обычаев. В некоторых диалектах кокандской группы слово *одамови*, как и в литературном языке, означает «избегающий людей, нелюдимый, замкнутый, необщительный», что является общепризнанным фактом для всех, кто говорит на узбекском языке. Однако то, что в диалекте данное слово обозначает «человеколюбивый, верный своему народу», «человечный» объясняется лингвокультурой местного населения, то есть, лингвистическому мышлению носителей языка этого региона свойственно восприятие слова *одамови* в значении «человечный, гуманный» [5, 8].

Или же слово литературного языка с положительной оттенком *устакор* в кокандском диалекте и в диалекте прилегающих к Коканду районов не употребляется в значениях «наставник», «умелец», а используется в значениях «хитрый, коварный» с отрицательным оттенком: *Лутпихон жа устакор хотин, уни қўлидан осонликча*

қутулмайди (Лутпихон очень коварная женщина, от нее не так просто избавиться) [8, 61].

Морфологические особенности кокандского диалекта. В кокандском диалекте использование ряда грамматических форм отличается от их употребления в литературном языке. Рассмотрим это на примере грамматических категорий, характерных для существительных и глаголов.

Одной из постоянных форм имен существительных является категория падежа. В кокандском диалекте использование окончаний именительного, дательного и исходного падежей не отличается от их использования в литературном языке. Однако, окончания винительного (-ни), родительного (-нинг) и местных падежей (-да) употребляются иначе, чем в литературном языке. Например: 1. *Бахрэм экэ, йолдэ дэдэмь кормэдэзмь?* (Бахром ака, не видели ли вы по дороге моего отца?) 2. *Баллар, кътэплардэ эльлар.* (Дети, берите книги). 3. *Уйдьқалътэ қэттейдэ.* (Где дома находится ключ). 4. *Уштэ тузэ пэс боппэтэ.* (Плов недосолили). 5. *Экэмь мшиьнэсьнэ сорэгэндэм, бермэдэ* (Попросил у брата машину, не дал). 6. *Бэттэ нэмэ қыляпсэз, эя?* (Что вы тут делаете, мама?) 7. *Мэнэттэ*турганкэн этьк* (Оказывается, сапоги стояли вот здесь).

В первом предложении окончание винительного падежа **-ни** используется как **-ь** (дэдэмь), во втором предложении — как **-дэ** (кътэплардэ), окончание родительного падежа в третьем предложении используется как **-дэ** (Уйдэ), в четвертом предложении — как **-тэ** (Уштэ) и шестом и седьмом предложениях — как **-тэ**. Уместно будет напомнить, что окончание винительного падежа после притяжательного аффикса в третьем лице единственного числа (**-си**) всегда используется точно также, как и в литературном языке. Это отражается в слове *мшиьнэсьнэ* в пятом предложении. Родительный падеж всегда используется иначе, чем в литературном языке.

Аффикс принадлежности **-ники** [1, 79] в узбекском литературном языке присоединяется к именам существительным и местоимениям. Форма этого аффикса в кокандском диалекте отличается от той формы, которая употребляется в литературном языке. Он может употребляться в следующих формах: **-ькэ**, **-дэькэ**, **-тэькэ**. Сравните: 1. *Койлей экэмькэйдэ* – *Куйлак акамники эди* (Рубашка принадлежала моему старшему брату). 2. *Бу кътэплэр – Кэрэмдэькэ* – *Бу китоблар – Каримники* (Эти книги принадлежат Кариму). 3. *Кечэ Рашиьтэькэда отьрдэьк, сэн кемэдэьг* – *Кеча Рашиьдникида утирдик, сен келмадинг* (Вчера сидели у Рашида, ты не пришел).

Окончание множественного числа **-лар** [1, 75] используется в кокандском диалекте иначе, чем в литературном языке. В речи жителей города при произношении этого окончания выпадает звук **р** и оно произносится как **-ла**. Например: *Балла яхиьмь?* (Как дети?) *Ышлэ қалей?* (Как дела?)

В литературном языке аффикс **-хон**, имеющий уменьшительно-ласкательное значение и

выражающее уважительное отношение к женщине, в кокандском диалекте может также употребляться и по отношению к мужчине. Например: *Эъзхэн, эртага бэзэргэ чьқасмь?* (*Эъзхэн (имя женщины), завтра выйдете на базар?*) *Айьбхэн қатка кеттэла?* (*Куда ушел Айюбхэн (имя мужчины)?*) Это явление еще более широко распространилось за последние 15-20 лет, так как раньше суффикс **-хон** по отношению к мужчине применялся только в тех случаях, когда этот мужчина являлся потомком ишана. Это похоже на прибавление суффикса **-жон** к женским именам в хорезмском диалекте для выражения уменьшительно-ласкательного значения и уважительного отношения к женщине.

Суффиксы наклонений и времен глаголов в кокандском диалекте также отличаются от их форм в литературном языке. Вместо аффикса второго лица единственного числа категории наклонения в повседневной жизни используется сокращенная форма аффикса второго лица множественного числа **-н**. Сравните: *қарен* – лит.*. *қаранг* (смотрите), *ўқин* – лит. *ўқинг* (читайте), *борин* – лит. *боринг* (идите).

Или же вместо аффикса третьего лица множественного числа категории наклонения **-синлар** в повседневной жизни используется аффикс третьего лица единственного числа **-син**. Сравните: *Оқтувчълэр кърсын* – лит. *Ўқитувчилар кирсинлар* (Пусть зайдут учителя). *Улар бэзкутсын* – лит. *Улар бизни кутсинлар* (Пусть нас подождут).

В кокандском диалекте некоторые окончания настоящего времени употребляются иначе. Например, *келятпродъм* – лит. *келаетгандим* (шел), *борятпродъм* – лит. *бораётгандим* (шел), *кетятпродъм* – лит. *кетаетгандим* (уходил).

Утвердительное и вопросительное интонации усиливаются путем прибавления **-чи** к глаголам и прибавления **-ю** к некоторым местоимениям. Сравните: *корынг-чы* – вместо лит. *қўринг* (*гляньте*), *кэрэнг-чы* – вместо лит. *қаранг* (*взгляните*), *оչынг-чы* – вместо лит. *очинг* (*откройте*); *нъмэ-ю* – вместо лит. *нима?* (*что?*)

Синтаксические особенности кокандского диалекта. Основоположник теоретического языкознания В. фон Гумбольдт говорил, что национально-культурные особенности, дух народа на других уровнях языка не отражаются так отчетливо, как на грамматическом уровне [2, 340]. Действительно, грамматический уровень очень четко отражает этнокультурные тонкости и национальный менталитет. В этом отношении порядок слов в кокандском диалекте своеобразен. В частности, в узбекском литературном языке подлежащее и относящиеся к нему члены (определение, обращение) идут в начале предложения, а сказуемое и относящиеся к нему члены (дополнение, обстоятельство) — после них. В целом, такой порядок слов действует в большинстве мировых языков. В кокандском

диалекте подлежащее и относящиеся к нему члены идут после сказуемого. Например, в предложении *Манаттейкэн шьпэргэ, ая* (*Веник оказывается здесь, мама*) подлежащее *шьпэргэ* и обращение *ая* ставятся после сказуемого. В литературном языке подлежащее и относящиеся к нему члены ставятся перед сказуемым, следовательно, данное предложение должно звучать как “*Ая, супурги мана бу ерда экан*”.

В предложении *Бэзэрдэ кордъм экэмь* (*Брата видел на базаре*) дополнение *экэмь* согласно нормам литературного языка должно идти в начале предложения. Становится ясно, что порядок тема+рема в узбекском литературном языке принимает форму рема+тема в кокандском диалекте. Это происходит потому, что рема выражает новое содержание предложения, ту часть, которую говорящий считает важной, а тема — содержание, которое не является новым для слушателя.

Заключение. Кокандский диалект является неотъемлемой частью ферганского диалекта, и в то же время отличается от него и литературного языка. Такие различия ощущаются в фонетических, лексических, семантических, морфологических и синтаксических средствах. Эти особенности не следует воспринимать как злоупотребление литературным языком или незнание норм литературного языка. Это происходит потому, что кокандцы (как и другие носители диалектов) научились познавать и осваивать мир прежде всего посредством своего диалекта. Так сформировано их мировосприятие — языковая картина мира. Присвоение названий вещам и событиям в объективном мире — процесс номинации также отличается от подобного процесса носителей других диалектов.

Несмотря на то, что кокандский диалект отличается от узбекского литературного языка с точки зрения фонетики, лексики, семантики и грамматики, он не является совершенно другим языком. Из кокандского диалекта в узбекский литературный язык перешло немало профессиональных слов, что способствовало пополнению и развитию лексического фонда. В дальнейшем развитии литературного языка материалы этого диалекта все так же будут служить важным лингвистическим источником.

Библиографический список

1. Абдурахмонов Ғ., Шукуров Ш., Махмудов Қ. *Ўзбек тилининг тарихий грамматикаси*. Тошкент: Ўзбекистон файласуфлари миллий жамияти нашриёти, 2008. 528 б.
2. Гумбольдт В. *Избранные труды по языкознанию*. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
3. Иброхимов С. Фарғона шеваларининг касбухунар лексикаси. II III бўлим. Тошкент: Ўзбекистон ССР Фанлар академияси нашриёти, 1959. 456 б.
4. Миртожиев М. *Ўзбек тили семасиологияси*. Тошкент: Mumtoz so‘z, 2010. 288 б.

* литературный вариант.

5. Одилов Ё. Ўзбек тилида лексик ва фразеологик энантиосемия. Тошкент: Tafakkur nashriyoti, 2015. 240 б.

6. Раҳматуллаев Ш. Ҳозирги адабий ўзбек тили. Тошкент: Universitet, 2006. 464 б.

7. Турсунов У., Мухторов А., Раҳматуллаев Ш. Ҳозирги ўзбек адабий тили. Олий ўқув юртлари филология факультетлари талабалари учун дарслик. Қайта ишланган, тўлдирилган учинчи нашри. Тошкент: Ўзбекистон, 1992. 399 б.

8. Тўрақулов О. Кўкон группа шевалари лексикаси: Филол. фан. номз. ... дисс. Тошкент: ЎзР ФА ТАИ, 1971. 314 б.

9. Эркабоева Н. Ўзбек тилидан маърузалар тўплами. Тошкент: Akadernashr, 2015. 400 б.

10. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5 жилдли. 4-жилд. Тошкент: “Ўзбекистон миллий энциклопедияси” давлат илмий нашриёти, 2008. 606 б.

11. Ҳожиёв А. Тилшунослик терминларининг изоҳли луғати. Тошкент: “Ўзбекистон миллий энциклопедияси” давлат илмий нашриёти, 2002. 168 б.

УДК 14 (478)

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ Н. А. БЕРДЯЕВА

Намозова Н.А.,

*Аспирант Елецкого государственного университета
им. И. А. Бунина г. Елец, Россия*

SOCIAL PHILOSOPHY OF N. A. BERDYAEV

N. A. Namozova,

*Postgraduate student of Yelets State University
named after I. A. Bunin Yelets,
Russia*

DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2023.2.96.828

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются аспекты социальной философии выдающегося русского мыслителя Н. А. Бердяева, для которого в социуме был первичен человек с его образом мыслей и идеями. Общей тенденцией социальной философией Н. А. Бердяева стала приоритетность духовно-религиозного над внешним материальным. Правильное персоналистическое общество, по его мнению, создается на исполнении евангельских заповедей, раскрытии творческого потенциала человека и понимании его миссии в мире.

ABSTRACT

The article examines aspects of the social philosophy of the outstanding Russian thinker N.A. Berdyaev, for whom the person with his way of thinking and ideas was primary in society. The general trend in the social philosophy of N. A. Berdyaev was the primacy of the spiritual and religious over the external material. A correct personalistic society, in his opinion, is built on the fulfillment of the Gospel commandments, the revelation of a person's creative potential and an understanding of his mission in the world.

Ключевые слова: социальная философия, личность, общество, творчество, антропология.

Key words: social philosophy, personality, society, creativity, anthropology.

Введение. Философское наследие Н. А. Бердяева не может оставить равнодушным исследователя любого уровня. Ярчайший представитель русского ренессанса, экзистенциального направления в философской мысли, выдающийся обществовед разработал собственный подход к осмыслению роли исторической судьбы в жизни отдельной нации, места и роли человека в социальном измерении. Свообразие его социальной антропологии, имеющей яркий христианский окрас, раскрывается через познание творческого потенциала личности способной возвышать ее над любой социально-политической конъюнктурой.

В произведениях Н. А. Бердяева, число которых достигает 500, даются оценки происходящим событиям в России того времени: революция, смена идеологического вектора,

кризисы и духовные переломы. Это стало стимулом для русского мыслителя к плодотворной аналитике разнообразных социологических идей, социальных идеалов (они занимают особое место в его философском творчестве), ценностных парадигм.

Основная часть. Базисом социальной философии Н. А. Бердяева стала четкая демаркация между человеком и социумом [4, с. 87]. Русский философ был чужд идеи слияния индивидуального с социальным и поглощения последним первого, что было характерно для популярной в то время марксистской философии. Онтологичность человека, по Н. А. Бердяеву, раскрывается прежде всего в духовной плоскости. Это есть его личная экзистенция, которая не подчиняется общественным законам [2, с. 202].

Эта личностная онтология имеет приоритет над онтологией внешней, так как внутренний мир

человека имеет божественный генезис, в то время как внешние факторы изменчивы, противоречивы и далеко не всегда являются проекциями Высшего Начала.

Подобные факторы создают отчужденность индивида и социума, которые перманентно вступают в культурно-ценностный конфликт между собой. Отчужденность отчасти порождена тем, что человек познает этот мир в искаженной реальности. Субъект (человек) познает объект (окружающий мир и общество), картина которого детерминируема объективируемым мышлением, что не всегда соответствует действительности, так как природа человека может быть в состоянии духовной дисгармонии и хаоса.

Идеальное состояние человека для Н. А. Бердяева есть состояние духа – единства свободного начала, разума, души и тела. Их разобщенность – причина внутренних и внешних деструкций. Однако эта духовная трагедия преодолима путем осмысления личности себя как носителя вечной, абсолютной, надмирной ценности. Н. А. Бердяев пишет: «Повторяется та парадоксальная истина, что человек себя приобретает и себя утверждает, если он подчиняет себя высшему сверхчеловеческому началу и находит сверхчеловеческую святыню как содержание своей жизни» [1, с.118].

Это сверхчеловеческое начало обретается в Творце мира видимого и невидимого – так человек реализует свой личностный потенциал. Такой подход характерен для христианской антропологии, в которой Н. А. Бердяев черпал свое философское вдохновение. Она определяет творческое бытие человека – важнейшей социальной функции каждой личности как следствие духовной сопричастности источнику всякого творчества – Богу.

Н. А. Бердяев писал: «Личность и есть образ и подобие Божье в человеке. Личность есть реализация в природном индивидууме его идей, Божьего замысла о нем» [5, с. 297]. Здесь ощущается явное соприкосновение с христианской традицией. Православный богослов митрополит Каллист (Уэр) писал об этом так: «Человеческие существа, созданные по образу Троицы, могут реализовать божественное подобие лишь тогда, когда они живут общей жизнью, как живет Пресвятая Троица: как три Лица Троицы “пребывают” одно в другом, так и мы должны “пребывать” в наших братьях, живя не для себя, но в других и для других» [7, с. 245].

Социальная творческая активность, направленная на утверждение добра в мире, и есть уподобление Божественному Началу. В этой связи становится вопрос не только как созидать доброе, но и как сопротивляться злему в человеческом сообществе. Относительно этого вопроса в русской философии были разные мнения. Великий русский философ И. А. Ильин был сторонником физического сопротивления злу. Он писал: «Тело злодея есть его орудие, его орган. Его тело есть территория его злобы, и эта духовно опустошенная

территория отнюдь не экстерриториальна для чужого духа. Благоговейный трепет перед телом злодея, нетрепещущего перед лицом Божиим, противоестественен: это моральный предрассудок, духовное малодушие, безволие, сентиментальное суеверие» [6, с. 54]. и «прав тот, кто оттолкнет от пропасти зазевавшегося путника; кто вырвет пузырек с ядом у ожесточившегося самоубийцы; кто вовремя ударит по руке прицеливающегося революционера; кто в последнюю минуту собьет с ног поджигателя, кто выгонит из храма кощунствующих бесстыдников; кто бросится с оружием на толпу солдат, насилующих девочку; кто свяжет невменяемого и укротит одержимого злодея. Злобу ли он проявит в этом? Нет – осуждение, возмущение, гнев и подлинную волю к недопущению к объективации зла» [6, с. 55].

Н. А. Бердяев был категорически не согласен с этой позицией и открыто полемизировал. Он считал, что зло прежде всего имманентная категория и вся борьба со злом должна быть сосредоточена вокруг борьбы против внутреннего «ветхого, злого Его». Злодеев же необходимо просвещать, открывать им глаза в видении подлинной правды.

В работе «Философия свободного духа» русский мыслитель отмечает, что первой ступенью борьбы со злом необходимо признать познание зла на теоретическом уровне. Практически нельзя отвечать на зло злом, а истинно духовная направленность борьбы со злом состоит «в вере в силу добра более чем в силу зла» [5, с. 125].

Относительно самой позиции И. А. Ильина Н. А. Бердяев писал: «Целью его (И. А. Ильина) является не только элементарное оправдание принципиальной допустимости меча и сопротивления силою, не повторение общих мест по этому поводу, а взвинчивание и укрепление той духовно-моральной атмосферы, которая нужна для немедленных походов, для контрразведки, для военно-полевых казней» [3, с. 113].

Заключение. Важно принять во внимание исторический контекст дискуссии великих русских мыслителей. Закончилась русско-японская война 1904-1905 года, прошли две революции 1917 года, Первая мировая война разрушила четыре империи и привела к социально-экономическим катаклизмам, кровавая гражданская война унесла миллионы человеческих жизней, «красный» террор жестоко подавлял инакомыслие и оппозицию. Однако Н. А. Бердяев был против применения «функции меча», так как «род человеческий поражен первородным грехом и потому не может распадаться на расу добрых, специально призванных бороться со злой силой, и расу злых – объект воздействия добрых» [3, с. 113].

Таким образом, в своей социальной философии Н. А. Бердяев твердо стоит на платформе христианских идей, внося в них свой авторский, философский элемент, не искажая их сути. В центре социума должен находиться прежде всего человек, его духовный мир, внутренний дух,

который является главным актором любых социальных трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. – М., 1993.
2. Бердяев Н. А. Дух и реальность / под ред. В. Н. Калужного. Харьков. 2003.
3. Бердяев Н. А. Кошмар злого добра (О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою») // Путь. 1926. № 4.

4. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989.
5. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М., 2009.
6. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. – М., 2009.
7. Каллист (Уэр), еп. Православная Церковь. М., 2006.

УДК 101.1:316

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

*Смирнов С.Ф.,
аспирант УУНиТ
(Уфа, Россия)*

*Научный руководитель
Хабибуллина З.Н.,*

доктор философских наук, профессор УУНиТ

SOCIAL TECHNOLOGIES AS INTELLECTUAL POTENTIAL

*S.F. Smirnov,
graduate student of UUNiT
(Ufa, Russia)*

*Scientific director
Z. N. Khabibullina,*

*Doctor of Philosophy, Professor of UUNiT
DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2023.2.96.822*

АННОТАЦИЯ

В статье представлен обзор концепции социальных технологий и интеллектуального потенциала в современных условиях, сопоставимый с социальной реальностью информационного общества, где приоритетным является использование интеллектуальных ресурсов и создание новых решений для удовлетворения общественных потребностей. Анализируется интеллектуальный потенциал современности как совокупность человеческих способностей, творческих дарований, навыков, мотиваций, компетенции, образовательного, культурного, морально-этического, квалификационного уровней. Раскрывается роль социальных технологий в контексте управленческих инноваций.

ABSTRACT

The article provides an overview of the concept of social technologies and intellectual potential in modern conditions, comparable to the social reality of the information society, where the priority is the use of intellectual resources and the creation of new solutions to meet social needs. The intellectual potential of our time is analyzed as a set of human abilities, creative talents, skills, motivations, competence, educational, cultural, moral and ethical, qualification levels. The role of social technologies in the context of management innovations is revealed.

Ключевые слова: социальные технологии, интеллектуальный потенциал, междисциплинарность, развитие.

Keywords: social technologies, intellectual potential, interdisciplinarity, development.

Введение

Вопросы изучения социальных технологий в контексте интеллектуального потенциала организаций и индивидов приобретает особую значимость в современных условиях. Это обусловлено тем, что интеллектуальный потенциал, включающий знания, умения, инновации и корпоративную культуру, является ключевым активом в информационную эпоху. Социальные технологии, такие как социальные сети, платформы для совместной работы и коммуникационные инструменты, способствуют более эффективному управлению этими ресурсами.

Они облегчают обмен знаниями и опытом внутри и между организациями, улучшая тем самым инновационные процессы и способствуя развитию организационной гибкости. В контексте индивидуального развития, социальные технологии могут использоваться для обучения, самообразования и профессионального роста, что также влияет на формирование и развитие интеллектуального потенциала.

Таким образом, данное исследование представляет собой важный вклад в понимание роли социальных технологий в развитии интеллектуального потенциала на уровне

индивидов и организаций, что актуально в условиях постоянно меняющейся экономической и социальной среды.

Социальные технологии и интеллектуальный потенциал являются важными концепциями в современном мире управления и организационного развития.

Концепция социальных технологий укоренилась в различных научных дисциплинах в последние десятилетия. Применение таких технологий обладает большим потенциалом практического применения и способностью оказывать реальное влияние на социальную реальность, что делает его жизнеспособной междисциплинарной областью исследований.

Основная цель этого исследования - дать представление о концепции социальных технологий, углубить ее понимание в информационном обществе и обществе знаний путем анализа новых форм применения и потребностей в качестве интеллектуального потенциала.

Основная часть

Социальные технологии обычно относятся к цифровым инструментам и платформам, которые способствуют социальному взаимодействию и коммуникации. Это включает в себя социальные сети, системы для совместной работы, блоги, форумы и другие онлайн-платформы, которые позволяют людям обмениваться информацией, идеями и знаниями. Они облегчают коллаборацию, сетевое взаимодействие и обмен знаниями, играя важную роль в современном бизнесе и образовании.

Популярность социальных технологий в обществе продолжает расти - от политики до личного общения, от производства строительных материалов до государственного управления. Несмотря на то, что термин «технологии социальной коммуникации» чаще всего используется для обозначения новых социальных сетей, таких как Вконтакте, Одноклассники и мессенджер Telegram, необходимо научное переосмысление, основанное на первоначальном определении.

В настоящее время концепция социальных технологий имеет несколько аспектов, которые

дестабилизируют доминирующий статус технологии. Становится очевидным, что фокус сместился в сторону растущей важности социального измерения и контекста в технологических науках и возвращает внимание к человеческим субъектам в социотехнологических объединениях, не делая их полновластными хозяевами. Это означает, что коллективный интеллектуальный потенциал, созданный на основе социальных технологий, становится все более заметным объектом изучения социальных наук: социальность все больше становится чем-то, что люди создают технически. Инструментальный, технаучный подход к социальной жизни больше не является исключительной прерогативой социологов; он требует все большего внимания как объект изучения. Термин «технология» больше нельзя было понимать в его узком смысле как производственные процессы и оборудование, необходимые для производства. Техническое определение социального пространства является более широким понятием и может быть изменено до следующего уровня технологии, который может быть определен как социальная проблема при поиске и реализации подхода теории принятия решений

Мюллер отметил, что термин «социальная технология» охватывает многие другие термины в социальной науке, поскольку некоторые авторы используют «социальную технику», «социальную педагогику», «административную технику», «технократию», «социотехнику», «политологическую инженерию», «планируемое общество», «инженер по эффективности», «социальное (экономическое) планирование». [7, с. 26]

Дерксен и Боле проанализировали социальные технологии в системе трех векторов (а) технологий из социальных наук, (б) технологий, которые полностью или преимущественно состоят из действий человека, и (в) технологий, которые зависят от социального взаимодействия в своей структуре [7, с. 26].

Социальные технологии выступают как интеллектуальный наукоемкий ресурс, применение в современной практике которого, позволяет достичь нескольких целевых ориентиров:

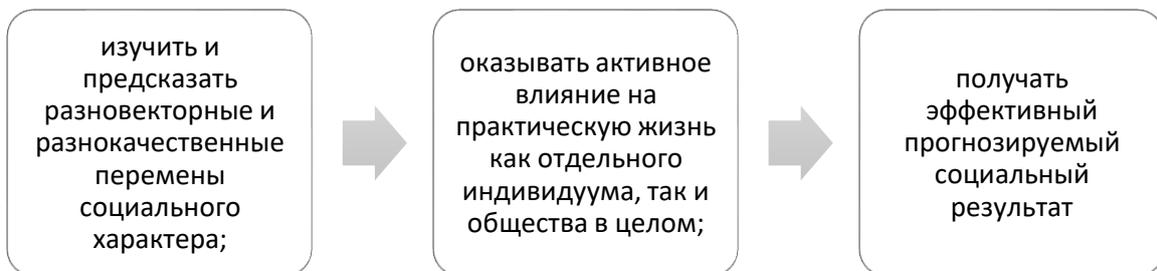

Рисунок 1. Целевые ориентиры социальных технологий

Источник: Разработано автором на основании исследования Г.Б.Косолапова и Р.Н. Гушина [3]

В.В. Ткаченко определяет «социальную технологию» как алгоритм или процедуру

осуществления действий в разных областях социальной практики, таких как управление,

образование, исследовательская работа и художественное творчество [4, с. 46]

В свою очередь, А.Ю. Булатецкая отмечает, что «социальные технологии выступают как система способов и средств оптимизации социального управления. Они создаются и реализуются для выполнения определенных, конкретных проблем, представляя собой стандартизированное средство поведения и деятельности человека по решению задач в рамках его преобразующей деятельности, ориентированной на получение заданного результата.» [1, с.63]

Таким образом, социальные технологии — это совокупность методов и приемов, позволяющих достигать прогнозируемых эффективных результатов во взаимодействии между субъектами. То есть по смыслу социальные технологии — это структура коммуникативных действий, изменяющих социальные системы или ситуации. В более широком смысле социальные технологии — это последовательность этапов социального взаимодействия, в ходе которой каждый субъект, участвующий в взаимодействии, реализует свою управленческую стратегию по отношению к другим субъектам и формирует социальную реальность.

В рамках развития постиндустриальной экономики, основанной на знаниях, на первый план выходит способность использовать интеллектуальные ресурсы и создавать новые решения для удовлетворения общественных потребностей. Традиционно исследованию роли интеллектуального потенциала в процессе создания общественных благ уделялось меньше внимания, чем изучению вклада в производственный процесс материальных активов. Однако последние тенденции свидетельствуют о росте интереса к интеллектуальному потенциалу. Ввиду этого возникает необходимость уточнения содержания понятия «интеллектуальный потенциал»

С.Н. Жирякова дает определение интеллекта как «способности индивидов к социальной адаптации, связанной с умением работать с информацией (находить, перерабатывать, производить собственные мысли, оформлять их, использовать в реальных ситуациях) и с навыками выделять продуктивное знание и готовностью реализовывать его на практике в социальном сообществе» [2, С. 26].

Для полного понимания феномена интеллектуального потенциала предлагаем объединить разнообразные взгляды ученых, нестандартные и в то же время достойные внимания позиции исследователей интеллектуального потенциала относительно толкования его сущности по подходам, что выделено нами во время исследования понятия «потенциал». Значительное количество ученых являются сторонниками ресурсного подхода, при котором интеллектуальный потенциал — это совокупность интеллектуальных ресурсов, в частности человеческих способностей, творческих

дарований, навыков, мотиваций, компетенции, образовательного, культурного, морально-этического, квалификационного уровней. Л. Эдвинсон отмечал, что интеллектуальный потенциал представляет собой особое сочетание человеческого капитала (реальные и потенциальные интеллектуальные способности, а также соответствующие практические навыки сотрудников компании) и структурного капитала (составляющие компании), задаваемые такими специфическими факторами, как связи с потребителями, бизнес-процессы, базы данных, бренды и системы информационных технологий [6, С. 430].

Интеллектуальный потенциал относится к неосязаемым активам организации или индивида, таким как знания, опыт, интеллектуальная собственность, отношения и корпоративная культура.

Интеллектуальный потенциал, включающий в себя широкий спектр нематериальных активов, подразделяется на ключевые элементы: навыки, опыт и таланты персонала (человеческий потенциал), организационные базы данных, интеллектуальная собственность и корпоративные процедуры (структурный потенциал), а также взаимоотношения с клиентами и их лояльность (клиентский потенциал).

Заключение

Социальные технологии выступают в качестве ключевого инструмента для активации и управления интеллектуальным потенциалом. Они обеспечивают платформу для обмена знаниями и идеями, усиливают коммуникации и способствуют укреплению отношений с клиентами и другими заинтересованными сторонами. Это приводит к повышению инновационной активности и динамичному развитию интеллектуального потенциала организации. Как утверждает З.Н. Хабибуллина, «современная техногенная среда порождает множество болевых точек, требующих пристального внимания ко всем сферам социума, выявления вызовов и угроз разного характера и, соответственно, составления и реализации программ управления социокультурными рисками» [5, С. 332].

Отдельное внимание заслуживает роль социальных технологий в контексте управленческих инноваций. Они предоставляют уникальные возможности для сбора и анализа больших объемов данных о поведении и предпочтениях потребителей, что позволяет компаниям более точно прогнозировать тренды и адаптироваться к меняющимся рыночным условиям. Это, в свою очередь, приводит к формированию более гибких и адаптивных стратегий управления, что является важным фактором в условиях постоянно изменяющегося мира.

Таким образом, социальные технологии, будучи мощным инструментом в управлении интеллектуальным потенциалом, играют ключевую роль в развитии современных организаций. Они не

только усиливают существующие процессы, но и открывают новые пути для инноваций и развития, делая их неотъемлемой частью стратегического управления в любой прогрессивной компании.

Литература

1. Булатецкая А. Ю. Социальные технологии управления интеллектуальным капиталом // Социология и право. - 2016. - № 3 (33). - С. 55-64
2. Жирякова С. Н. К вопросу о технологиях формирования интеллектуального потенциала личности // Вестник ЧелГУ. 2010. №20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tehnologiyah-formirovaniya-intellektualnogo-potentsiala-lichnosti> (дата обращения: 15.11.2023).
3. Косолапов Г. Б., Гуцин Р. Н. Образование как социальная технология // Научный лидер. - 2022. №25 (70). URL: <https://scilead.ru/article/2614-obrazovanie-kak-sotsialnaya-tehnologiya>
4. Ткаченко, В. В. Социальные технологии модернизации высшего образования на региональном уровне / В. В. Ткаченко // Проблемы и перспективы развития образования : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, май 2012 г.). — Пермь: Меркурий, 2012. — С. 45-47. — Электронный ресурс. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/58/2232/> (дата обращения: 15.11.2023).
5. Хабибуллина З.Н. Трансформация ценностей общественного сознания // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 5. С. 328-333.
6. Эдвинссон Л., Мэлоун М. Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Иноземцева. Москва: Academia, 1999. С. 429–447.
7. Social technologies and collective intelligence. Monograph – Vilnius: Mykolas Romeris University, 2015. 628 p.

Ежемесячный научный журнал

Том 2 №96 / 2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Макаровский Денис Анатольевич

AuthorID: 559173

Заведующий кафедрой организационного управления Института прикладного анализа поведения и психолого-социальных технологий, практикующий психолог, специалист в сфере управления образованием.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Чукмаев Александр Иванович

<https://orcid.org/0000-0002-4271-0305>

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права. Астана, Казахстан

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Штерензон Вера Анатольевна

AuthorID: 660374

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт новых материалов и технологий (Екатеринбург), кандидат технических наук

Синьковский Антон Владимирович

AuthorID: 806157

Московский государственный технологический университет "Станкин", кафедра информационной безопасности (Москва), кандидат технических наук

Штерензон Владимир Александрович

AuthorID: 762704

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт фундаментального образования, Кафедра теоретической механики (Екатеринбург), кандидат технических наук

Зыков Сергей Арленович

AuthorID: 9574

Институт физики металлов им. М.Н. Михеева УрО РАН, Отдел теоретической и математической физики, Лаборатория теории нелинейных явлений (Екатеринбург), кандидат физ-мат. наук

Дронсейко Виталий Витальевич

AuthorID: 1051220

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Кафедра "Организация и безопасность движения" (Москва), кандидат технических наук

Садовская Валентина Степановна

AuthorID: 427133

Доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ, академик Международной академии Высшей школы, почетный профессор Европейского Института PR (Париж), член Европейского издательского и экспертного совета IEERP.

Ремизов Вячеслав Александрович

AuthorID: 560445

Доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, академик Международной Академии информатизации, член Союза писателей РФ, лауреат государственной литературной премии им. Мамина-Сибиряка.

Измайлова Марина Алексеевна

AuthorID: 330964

Доктор экономических наук, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Гайдар Карина Марленовна

AuthorID: 293512

Доктор психологических наук, доцент. Член Российского психологического общества.

Слободчиков Илья Михайлович

AuthorID: 573434

Профессор, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук.

Член-корреспондент Российской академии естественных наук.

Подольская Татьяна Афанасьевна

AuthorID: 410791

Профессор факультета психологии Гуманитарно-прогностического института. Доктор психологических наук. Профессор.

Пряжникова Елена Юрьевна

AuthorID: 416259

Преподаватель, профессор кафедры теории и практика управления факультета государственного и муниципального управления, профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения факультета дистанционного обучения ФБОУ ВО МГППУ

Набойченко Евгения Сергеевна

AuthorID: 391572

Доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, профессор. Главный внештатный специалист по медицинской психологии Министерства здравоохранения Свердловской области.

Козлова Наталья Владимировна

AuthorID: 193376

Профессор на кафедре гражданского права юридического факультета МГУ

Крушельницкая Ольга Борисовна

AuthorID: 357563

кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии. Московский государственный областной университет.

Артамонова Алла Анатольевна

AuthorID: 681244

кандидат психологических наук, Российский государственный социальный университет, филиал Российского государственного социального университета в г. Тольятти.

Таранова Ольга Владимировна

AuthorID: 1065577

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, Департамент гуманитарного образования студентов инженерно-технических направлений, Кафедра управление персоналом и психологии (Екатеринбург)

Ряшина Вера Викторовна

AuthorID: 425693

Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО, лаборатория

профессионального развития педагогов (Москва)

Гусова Альбина Дударбековна

AuthorID: 596021

Заведующая кафедрой психологии. Доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, психолого-педагогический факультет (Владикавказ).

Минаев Валерий Владимирович

AuthorID: 493205

Российский государственный гуманитарный университет, кафедра мировой политики и международных отношений (общеуниверситетская) (Москва), доктор экономических наук

Попков Сергей Юрьевич

AuthorID: 750081

Всероссийский научно-исследовательский институт труда, Научно-исследовательский институт труда и социального страхования (Москва), доктор экономических наук

Тимофеев Станислав Владимирович

AuthorID: 450767

Российский государственный гуманитарный университет, юридический факультет, кафедра финансового права (Москва), доктор юридических наук

Васильев Кирилл Андреевич

AuthorID: 1095059

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Инженерно-строительный институт (Санкт-Петербург), кандидат экономических наук

Солянкина Любовь Николаевна

AuthorID: 652471

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), кандидат экономических наук

Карпенко Юрий Дмитриевич

AuthorID: 338912

Центр стратегического планирования и управления медико-биологическими рисками здоровью ФМБА, Лаборатория экологической оценки отходов (Москва), доктор биологических наук.

Малаховский Владимир Владимирович

AuthorID: 666188

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Факультеты, Факультет послевузовского профессионального образования врачей,

кафедра нелекарственных методов терапии и клинической физиологии (Москва), доктор медицинских наук.

Ильясов Олег Рашитович

AuthorID: 331592

Уральский государственный университет путей сообщения, кафедра техносферной безопасности (Екатеринбург), доктор биологических наук

Косс Виктор Викторович

AuthorID: 563195

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, НИИ спортивной медицины (Москва), кандидат медицинских наук.

Калинина Марина Анатольевна

AuthorID: 666558

Научный центр психического здоровья, Отдел по изучению психической патологии раннего детского возраста (Москва), кандидат медицинских наук.

Сырочкина Мария Александровна

AuthorID: 772151

Пфайзер, вакцины медицинский отдел (Екатеринбург), кандидат медицинских наук

Шукшина Людмила Викторовна

AuthorID: 484309

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Головной вуз: РЭУ им. Г.В. Плеханова, Центр гуманитарной подготовки, Кафедра психологии (Москва), доктор философских наук

Оленев Святослав Михайлович

AuthorID: 400037

Московская государственная академия хореографии, кафедра гуманитарных, социально-экономических дисциплин и менеджмента исполнительских искусств (Москва), доктор философских наук.

Терентий Ливиу Михайлович

AuthorID: 449829

Московская международная академия, ректорат (Москва), доктор филологических наук

Шкаренков Павел Петрович

AuthorID: 482473

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), доктор исторических наук

Шалагина Елена Владимировна

AuthorID: 476878

Уральский государственный педагогический университет, кафедра теоретической и прикладной социологии (Екатеринбург), кандидат социологических наук

Франц Светлана Викторовна

AuthorID: 462855

Московская государственная академия хореографии, научно-методический отдел (Москва), кандидат философских наук

Франц Валерия Андреевна

AuthorID: 767545

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства (Екатеринбург), кандидат философских наук

Глазунов Николай Геннадьевич

AuthorID: 297931

Самарский государственный социально-педагогический университет, кафедра философии, истории и теории мировой культуры (Москва), кандидат философских наук

Романова Илона Евгеньевна

AuthorID: 422218

Гуманитарный университет, факультет социальной психологии (Екатеринбург), кандидат философских наук

Ответственный редактор
Чукмаев Александр Иванович
Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права.
(Астана, Казахстан)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

198320, Санкт-Петербург, Город Красное Село, ул. Геологическая,
д. 44, к. 1, литера А

Адрес электронной почты: info@national-science.ru

Адрес веб-сайта: <http://national-science.ru/>

Учредитель и издатель ООО «Логика+»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620144, г. Екатеринбург,
улица Народной Воли, 2, оф. 44

Художник: Венерская Виктория Александровна

Верстка: Коржев Арсений Петрович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
